

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ТУМАННОСТЬ ОРИОНА

ЭКСМО

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Туманность Ориона

«Автор»

2000

Ливадный А. Л.

Туманность Ориона / А. Л. Ливадный — «Автор»,
2000 — (Экспансия: История Галактики)

Вадим Полуэктов капитан внешней разведки Земли по долгу службы был готов к любым неожиданностям. Однако он даже не подозревал в какую переделку попадет, выполняя задание начальства по исследованию древнего колониального транспорта. Полуэктов оказывается втянут в невероятную историю среди участников которой не только алчные и кровожадные фанатики с планеты Ганио, но и древний разум, когда-то породивший Предтеч, а вместе с ними, – нашу биологическую форму жизни.

© Ливадный А. Л., 2000

© Автор, 2000

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1.	10
ГЛАВА 2.	24
ГЛАВА 3.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Ливадный

ТУМАННОСТЬ ОРИОНА

ПРОЛОГ

2207 год по летосчислению Земли. Окраина Солнечной системы. За границей Плутона...

Космический корабль был огромен.

Он вобрал в себя всё – все знания, весь опыт и все надежды Человечества.

...Последняя независимая передающая камера прибыла в заданную точку пространства за шесть месяцев до грядущего события, и вот она заработала, транслируя видеосигнал к Плутону, откуда он будет переизлучен дальше, в глубь Солнечной системы, на колонизированные спутники Юпитера, оттуда к Марсу и, наконец, – к Земле.

Общее запаздывание сигнала составляло несколько суток, но для миллиардов людей технические проблемы не казались чем-то существенным – главное увидеть, как это произойдет...

...

– Внимание, десять секунд до включения... Пошел обратный отсчет...

В черноте космоса на фоне далеких колющих звезд медленно поворачивался передатчик сигнала. Он был смонтирован на прямоугольной платформе и издали казался гигантским ажурным насекомым.

Вспышка...

Разом заработало два десятка мониторов, повторяя одну и ту же картинку: на фоне вселенского мрака растет, укрупняется нечто, щедро осыпанное искорками разноцветных габаритных огней.

– Минута передачи. Сигнал устойчивый. Объект в фокусе. Вся аппаратура в норме.

– Отлично. Начинаем!

На контрольных мониторах изображение продолжало медленно увеличиваться.

– Дамы и господа! Несколько минут назад начал свою работу последний независимо расположенный следящий видеокомплекс. Он находится всего в пятистах километрах от точки, где произойдет включение двигательных установок основной тяги. Я, Александр Шаповалов, буду вместе с вами затаив дыхание следить, как первый в истории Человечества межзвездный колониальный транспорт покинет границы Солнечной системы.

...Одна из установленных на платформе видеокамер повернулась, поймала приближающийся корабль и начала «наплыв».

Зрелище потрясало.

Колониальный транспорт увеличивался, все четче и четче проступая на фоне мрака.

Его размеры, конструкция, формы – все поражало взгляд, казалось настолько необычным, мощным, что не сразу укладывалось в сознании, заставляя миллионы людей вздрагивать у своих сферовизоров, испытывая при этом неведомый доселе трепет и гордость.

Наплывающая камера показывала обтекаемый нос корабля, по серебристому покрытию которого шли буквы:

«ЗЕМЛЯ. КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ „АЛЬФА“.

Это был миг, когда миллиарды разных, совершенно незнакомых людей, по-прежнему разделенных условностями границ, расовыми и религиозными предрассудками, вдруг начали по-настоящему осознавать себя Человечеством.

По крайней мере те, кто понимал значимость происходящего, замерли сейчас у своих экранов.

Эмоции людей, их побудительные мотивы были самого разного толка, но мало кто остался равнодушным к репортажу о назревающем событии. Так или иначе, но этот день должен был отпечататься в памяти миллиардов граждан Солнечной системы, еще немного приблизив их сознание к идеям общечеловеческих ценностей.

Казалось, вот он, реально наступающий миг, когда станет понятно: Прорыв осуществлен, первые колонисты покидают Солнечную систему, и в сознании новых поколений будет зреть понимание того, насколько бесконечен окружающий космос, как чудовищно велики межзвездные расстояния, и какое уникальное по своей природе чудо все мы – разумные существа, сумевшие подчинить себе законы мироздания...

Буквы, нанесенные черным на серебристую поверхность, укрупнялись, пока не настал миг, когда надпись уже не помещалась в фокусе объектива...

...Кадр сменился, теперь ракурс съемки стал немного иным, показывая медленное, величественное скольжение исполинской конструкции.

Диаметр носовой части колониального транспорта составлял пятьсот метров. По своей форме управляющий модуль походил на серебристую полусферу, обращенную выпуклостью в космос.

– Все мы знаем историю возникновения колониального транспорта, – раздался из-за кадра голос Шаповалова. – Но помнит ли кто-нибудь историю преемственности, связанную с его названием? Позволю напомнить, что в последние годы далекого двадцатого века на орбиту Земли была выведена первая международная станция, которая носила именно такое имя – «Альфа»...

Камера продолжала наплывать, ее фокус опять переместился, показывая колониальный транспорт под иным углом, – теперь он был виден во всю свою семикилометровую длину.

Сразу за полусферой управления начинался так называемый «вращающийся корпус». Он имел полтора километра в поперечнике, и с носовой частью его соединяла соответствующих размеров коническая муфта, поверхность которой серебрилась ажурным лесом антенн. Внутри этой муфты размещалась система ориентации корабля.

– Как мы знаем, колониальный транспорт состоит из трех основных частей: отсеков управления, вращающегося корпуса и двигательных секций, – продолжал комментировать поступающее изображение Шаповалов. – Во вращающемся корпусе расположены отделяемые криогенные модули, склады с техникой, биологические хранилища, содержащие образцы земной флоры и фауны, а также системы жизнеобеспечения «Альфы», включающие в себя огромные гидропонические комплексы, призванные участвовать в процессе регенерации кислорода и служить основным источником пищи для двух сменных экипажей космического корабля...

Голос из-за кадра на время смолк, предоставляя зрителям возможность самим оценить всю новизну проплывающей на экранах межзвездной конструкции, ее неадекватность прошлым образцам космической техники.

Камера продолжала свое неторопливое историческое движение вдоль вращающегося корпуса, показывая миллиардам людей протяженность его надстроек и постепенно приближаясь к двухкилометровому трезубцу ходовых секций.

Эта часть корабля, так же как носовая полусфера, не вращалась. Нос и корма были соединены между собой конструктивным валом, который являлся осью симметрии колониального транспорта и совершал медленные обороты в сторону, противоположную вращению внешней обшивки, позволяя тем самым носу и корме корабля оставаться неподвижными.

Три секции ходовых установок располагались под углом в сто двадцать градусов, образуя симметричную пространственную вилку. Каждая секция оканчивалась тусклым коническим

соплом, названным так по аналогии с древними выходными отверстиями жидкотопливных ракетных двигателей.

Разница между ними заключалась в том, что современные дюзы имели порядка двухсот метров в поперечнике, и истекать из них должны были не продукты химического сгорания, а плазма, образованная в результате управляемой термоядерной реакции синтеза гелия, что позволяло «Альфе» достичь околосветовых скоростей.

Топливом кораблю служил водород. Не секрет, что понятие «вакуум» применительно к межзвездной среде неверно и давно превратилось в анахронизм – на самом деле пространство между звездами не является пустотой, оно наполнено разреженными атомами водорода, частичками пыли, различными формами излучений. Поэтому двигательные секции «Альфы» были снабжены электромагнитными уловителями, которые после окончания разгона могли собирать некоторую часть водорода прямо из космического пространства.

И, наконец, главное: колониальный транспорт нес на своем борту пятьсот тысяч человек, подавляющее большинство из которых в данный момент спали, погруженные в низкотемпературный сон.

Программа полета была рассчитана на пятнадцать лет. Ровно столько потребуется «Альфе», чтобы достичь системы Проциона¹. Полвека ушло на ее разведку и еще столько же на экспериментальные поселения. Теперь туда отправлялся первый транспорт с планетопреобразующей техникой и переселенцами.

Никогда еще люди не отправляли за границы Солнечной системы такой огромный и такой совершенный корабль. Пятьсот тысяч человек – на первый взгляд эта цифра кажется внушительной... Но то была лишь капля, ничтожная часть непомерно разросшегося Человечества, которое затаив дыхание следило сейчас за последними минутами «свободного полета» «Альфы».

Слишком много надежд было связано с этим кораблем.

По сути, он должен был решить проблему выживания для перенаселенной Солнечной системы.

И он ее решил.

...

Одним из людей, следивших за стартом «Альфы» из Солнечной системы, был молодой ученый, астрофизик. Он носил двойную фамилию Иванов-Шмидт, а звали его Йоган.

Ему повезло – он находился в системе Юпитера, в приемопередающем центре Ганимеда, куда поступал сигнал с ретранслятора Плутона, и таким образом мог наблюдать полный, необрезанный вариант трансляции событий.

Остальные зрители никогда не видели истинного старта «Альфы». Для них был смонтирован специальный ролик.

...

Исполинский корабль проплыл мимо парящей в космосе платформы.

Волнение операторов на станции Плутона достигло пика наивысшего напряжения.

На борту «Альфы» уже шел обратный отсчет. Истекали последние секунды до включения маршевых двигателей.

Последние секунды до того момента, когда земным кораблем будет осуществлен первый гиперпространственный переход.

В корме удаляющегося корабля внезапно вспыхнули три ослепительных, нестерпимых для глаза солнца.

Это заработали термоядерные реакторы «Альфы».

¹ Процион – Альфа Малого Пса.

Три столба истекающей со световыми скоростями плазмы ударили в пространство; боковая камера платформы, предусмотрительно снабженная фильтрами для съемок солнечных вспышек, продолжала передавать изображение на Плутон.

– Вот он, исторический момент!.. – синхронно с изображением воскликнул Александр Шаповалов, вместе со всеми вставая со своего кресла, не смея оторвать глаз от экранов, и...

Восторженные, заготовленные заранее фразы замерли на его губах...

Три столба ослепительного света, которые должны были толкнуть вперед исполинский семикилометровый корабль, внезапно потеряли свою параллельность, по непонятной, необъяснимой причине искривились, словно на них начало воздействовать некое поле тяготения, и секунду спустя сошлись в одной точке позади «Альфы»!..

На экранах, в том месте, где соприкоснулись, слились воедино три плазменных столба, полыхнула ослепительная вспышка, центр которой был... черным.

– Мой бог... – хрипло выдавил Александр, не в силах как-то иначе прокомментировать протекающий процесс. Он был недоступен его пониманию, но Шаповалов не мог усомниться в своем рассудке: вокруг него сейчас находились десятки людей, в том числе и физики, напрямую связанные с исследованиями космического пространства, которые, как и он, в немом, смертном оцепенении смотрели на непонятный, непостижимый с точки зрения современных знаний процесс...

Уже никто не сомневался – с «Альфой» происходит что-то ужасное, но события развивались намного стремительнее, чем это можно описать.

...Вспышка погасла так же внезапно, как зародилась, а в месте скрещения плазменных столбов уже явственно всколыхнулось нечто, более глубокое, более черное, чем обычный мрак, и это образование словно бы отсекло своим телом световые потоки, не пропуская, не отражая, а поглощая их. Колониальный транспорт, вместо того чтобы, набирая скорость, рвануть вперед, к призывно сияющим звездам, вдруг замедлил свое движение, остановился, а потом...

Его потянуло назад, в тот ком черноты, где без следа тонули потоки рукотворной плазмы!..

Кто-то не выдержал и закричал, не в силах осознать, перенести это сумасшедшее, непостижимое зрелище.

Все произошло в считанные секунды.

Черное марево, всколыхнувшееся в пространстве за кораблем, поглотило «Альфу»...

* * *

Спустя мгновение после катастрофы лишь звезды кружили по экранам станций слежения, сливаясь в холодные серебристые полосы.

Это беспорядочно вращалась удаляющаяся от места страшного события передающая платформа с закрепленной на ней видеоаппаратурой.

Первый гиперсферный прыжок состоялся, но никто из свидетелей еще не осознал данного факта.

Гиперсферу еще только предстояло открыть, и катастрофа «Альфы» станет толчком к исследованиям в области космической аномалии, поглотившей исполинский земной корабль.

Среди людей, которые стали свидетелями этой чудовищной катастрофы, краха всех человеческих надежд на медленную, но неуклонную экспансию к звездам, находился и молодой Йоган. Его, как и других, колотила в этот момент нервная дрожь. Будущий автор гиперсферного привода испытал в эти секунды свой первый в жизни шок...

* * *

...Через девять лет, когда лимит ожидания сигналов от «Альфы» будет окончательно исчерпан, он подарит людям теорию гиперсферы и тем самым откроет эру Великой Экспансии – безумного броска Человечества к далеким звездам.

Потом будет более тысячи лет истории, которые включают в себя две галактические войны, колонизацию ста семидесяти кислородных планет, истории, в которой ключевую роль сыграют уже не десятки или сотни, а тысячи колониальных транспортов-невозвращенцев, рассеянных по Галактике капризной гиперсферой, но за всеми этими перипетиями, трагедиями, победами и поражениями нет-нет да и будет всплывать так и не нашедший своего ответа вопрос: что стало с первым в истории Человечества невозвращенцем, который унес в пучину гиперсферы пятьсот тысяч колонистов? Вышел ли он из аномалии космоса? И если вышел, то где?

Его искали, но не нашли. Вопрос так и остался открытым.

ГЛАВА 1.

Тяжелый орбитальный перехватчик «МАГ», нутужно ревя перегруженным двигателем и высоко задрав тупой, обтекаемый нос, карабкался вверх из фиолетовой бездны стратосферы к черному, истыканному колючими точками звезд, мраку высоких орбит, где погибала, вызывая о помощи на всех частотах связи, орбитальная станция...

– Маг-3, прошу помощи!.. Мы больше не можем держаться!.. Силовые экраны сбиты!.. Умоляю, Маг-3, где же ты?!

Голос хрипел, смешиваясь с помехами несущей частоты, истончался, рвался, но все равно возникал опять и опять, бился в коммуникаторе шлема, взывая, но уже почти не надеясь на чудо...

– Слышу вас... иду... на перехват... – губы пилота едва шевелились, выговаривая эти слова. Перехватчик вибрировал от перегрузки, и мышцы на лице пилота под кислородной маской отекали, стали чужими и непослушными...

На радаре четко просматривалась свора алых точек – каперские космические истребители, которые, словно осы, вились вокруг прикрывающей планету станции, жалея ее истончившуюся защиту режущим глаз лазерным огнем. Лучи когерентного света вспыхивали во мраке ослепительными росчерками, и там, где силовые экраны не выдерживали, обшивка станции начинала вспухать вишнево-красными рубцами перегретого, готового сдаться металла...

– БОС², мне нужен курс к их базовому кораблю... – хрипло и отрывисто произнес в коммуникатор Ричард Меркулов, командовавший высланной на перехват каперским истребителям эскадрилей орбитальных перехватчиков «МАГ».

– Рассчитываю... – ответил коммуникатор внутренней связи.

На правом дисплее загорелись данные для ввода.

– Звено один, приготовиться! – передал он ведомым. – Залповый огонь по моему сигналу! Бить в район двигательных секций!

Два звеньевых, чьи тройки следовали справа и слева от возглавляемого Меркуловым крыла, явно не одобряли столь самоубийственной атаки на каперский корабль-матку, который висел на почтительном отдалении от огрызающейся огнем станции и координировал действия беснующихся истребителей, но спорить с командиром никто не решился.

– Первый, готов... – пришел доклад от командира правого ведомого звена.

– Второй?! – резко спросил Ричард, увеличивая мощность двигателей, чем вызвал запретельную вибрацию каждого узла, каждой переборки перегруженной машины.

– В чем дело, командир?! – раздался в ответ взволнованный, срывающийся голос молодого лейтенанта, лидировавшего в третьем звене эскадрильи. – Это безумие, мы не можем пойти на крейсер!

– Можем и пойдем! – отрезал Ричард. – Иначе он успеет сориентироваться для прыжка и опять ускользнет!

– Сэр, мы получили приказ защищать станцию! Это бессмысленный риск! Сейчас подойдут силы планетарной обороны – пусть они разбираются с носителем!..

– Продолжать атаку! – гневно вырвалось у Меркулова. Он едва не добавил чего покрепче, мысленно пообещав, что разберется на земле с ведущим третьего.

Секундная тишина.

– Есть, сэр... – наконец донеслось по связи. И уже едва слышно: – Псих долбаный...

Меркулов промолчал, только стиснул зубы так, что заломило челюсть.

Много злых, нехороших мыслей пронеслось в его голове за эти секунды.

² БОС – Бортовая Операционная Система.

Он защищал свою планету, и ему уже давно было плевать на риск. Он знал – «МАГ» выдюжит. За годы службы в военно-космических силах он сжился с этой машиной до полного, интуитивного взаимопонимания. Но уверенность, равно как и опыт, не передашь по коммуникационному каналу. Меркулов и без расчетов БОС видел, чувствовал: сегодня его день – он успеет достать базовый корабль каперов, прежде чем тот нырнет в гиперсферу...

* * *

Генерал Покровский откинулся в кресле. Пальцы Андрея Георгиевича машинально постукивали по подлокотнику, взгляд был направлен на экран компьютерного терминала, в глубинах которого затаилось смазанное, нечеткое изображение, снятое с носовых камер орбитального штурмовика.

В самом углу сильно увеличенного, расплывчатого стоп-кадра просматривалась некая тень.

Палец генерала коснулся сенсора. Картинка послушно увеличилась, но изображение стало еще хуже. Покровский сместил окно поиска, ввел в него размазанные по краям очертания некоего предмета, который присутствовал на снимке, и одним касанием запустил программу детальной проработки изображения.

Пока машина выполняла полученный приказ, он грузно поднялся с кресла. Подойдя к окну, Покровский уловил, как непрозрачная преграда, отреагировав на приближение человека, теряет свой матовый глянец, становится полупрозрачной, и на фоне коричневатой мглы начинают проступать урбанистические контуры сверхвысотных построек.

– Милочка, принеси мне кофе... – не оборачиваясь, произнес он.

Сзади пискнул сигнал. Машина закончила обработку изображения, но Покровский не спешил назад, к рабочему месту. Он стоял и смотрел в тускло-коричневую даль, где громоздились, цепляясь за каркасы опустевших небоскребов, ядовитые кучевые облака.

«Да, запустела Земля... – подумал он. – Загадили, превратили в свалку, а ведь все равно боятся, стерегут...» – Взгляд Покровского скользнул выше, в небеса, где, невидимый отсюда, висел неумолимый страж прародины Человечества – Орбитальный комплекс Совета Безопасности Миров, стальной гарант необратимости истории.

Губы Покровского исказила усмешка.

Это мы еще посмотрим, господа, посмотрим...

Сорок лет назад, начиная свою карьеру разведчика, молодой, полный наивных амбиций Андрей Покровский не подозревал, что львиную долю операций, часть которых в буквальном смысле заставит сотрясаться в конвульсиях целые планетные системы, он проведет именно так – сидя за терминалом компьютера.

Нет, покидая стены заурядной гидропонической фермы, под прикрытием которой много лет назад функционировала школа подготовки офицеров внешней разведки, он предвкушал иную судьбу – новоиспеченный офицер всерьез грезил о подвигах, схватках, мгновенных рейдах, когда под огнем противника придется ползти по гнилым болотам чуждых миров...

Все это оказалось сказкой для дефективных малолеток.

Реальность сегодняшнего дня настойчиво опровергала грубые, наивные, романтические иллюзии. Век высоких технологий предлагал нечто иное, но можно представить, каково оказалось разочарование молодого офицера, не сумевшего вовремя оторваться от мира романтических грез, когда его, едва народившегося спеца, со светлой шевелюрой, мужественными чертами лица и стальной поволокой пронзительных глаз, готового на любые испытания ради своей родины, внезапно разместили в самой обыкновенной, ничем не примечательной квартире, усадили за терминал компьютера и заставили лопатить горы информации, свободно протекающей по сети Интерстар, которая связывала между собой далекие в реальном пространстве звезды.

Надежды юношей питают... Лейтенант Покровский не думал, что это надолго и всерьез, – разведка казалась ему чем-то запредельно жестким, циничным, расчетливым и никак не сочеталась в уме молодого человека с той рутинной, что была предложена ему в обмен на романтику.

После первого года такой службы он ходил мрачный, недовольный жизнью, чувствовал себя чуть ли не униженным... пока не грянул Эригонский кризис.

Это было лихое время для доброй половины обитаемых миров. Никто не предполагал, что ниточки межпланетного кризиса, столкнувшего лбами старую Конфедерацию и молодые промышленные миры Окраины, дотянутся в том числе и сюда, на Землю.

Лихорадка политических и экономических крахов корежила целый сектор пространства, гигантские, солидные, благополучные корпорации впадали в ступор и заканчивали банкротством, правительства планет менялись, как шлюхи в дорогом борделе, – часто и по определенному заказу, а за всем этим...

За всем этим стояли люди, которых никто не знал ни по именам, ни в лицо – тихие, добропорядочные... корпящие день и ночь перед таинственно мерцающими мониторами межзвездной сети Интерстар...

Молодому Покровскому не хватало именно этого наглядного откровения, чтобы понять: информационная война, противостояние сверхдержав на уровне умов – это намного более жесткая, запредельная по своей циничности, напряженности и цифрам конечных потерь схватка, которая стоит неизмеримо выше, чем тривиальное перерезание глотки вражескому агенту в темном полуподвальном этаже мегаполиса.

Теперь за спиной генерала лежало сорок лет кулуарных операций подобного толка... Из молодого волчонка он превратился в старого, битого, седого зверя, умудренного опытом и годами борьбы с тенетами, опутывавшими Землю с той поры, как на далекой отсюда планете Элио были подписаны параграфы капитуляции Земного Альянса.

В комнату тихо вошла молоденькая секретарша.

Покровский не обернулся, по-прежнему глядя в окно, только произнес, не отрывая глаз от плавающих в пластах тумана удивительно красивых в этот час вершин городских небоскребов:

– Спасибо, ты свободна.

Запах свежесваренного кофе приятно пощекотал ноздри.

Генерал вернулся за стол, грузно опустился в кресло, с наслаждением сделал несколько маленьких глотков и только тогда позволил себе взглянуть на детально прорисованное машинной изображение.

– Фрайг... – Чашка с кофе дрогнула в руке старого генерала. Несколько коричневых пятнышек расплылось по безупречному, белоснежному манжету рубашки, но он не обратил внимания на такую мелочь. Медленно опустил руку, не смея оторвать глаз от конструкции, в которую превратилось обработанное компьютером расплывчатое пятно, поставил чашку и застыл, глядя в экран.

Он знал, что увидит нечто подобное, подозревал, предвкушал, но все равно состоявшийся факт явился для него потрясением.

Три дня назад аналитики информационного отдела выудили из сети Интерстар нечто действительно стоящее, любопытное, грозящее большими переменами.

На первый взгляд файловый пакет выглядел совершенно безобидно. Эмоциональность переговоров между ведущим звена орбитальных штурмовиков и его молодыми ведомыми, равно как и сам факт дерзких налетов каперских кораблей на некую товарную станцию в системе Оргелейн, не могли вызвать того возбуждения, которое сейчас испытывал Покровский.

Зерно истины оказалось зарыто глубже – в том и состояла задача информационной разведки, чтобы среди вереницы обыденных фактов отыскать нечто экстраординарное, не замеченное другими.

Ладно, господа, я долго готовил почву, так пусть теперь на нее упадет первое зерно...

Палец Покровского вновь коснулся сенсорной клавиатуры.

Сбоку от него едва слышно зашуршал графический пластпроектор.

Сердце старого генерала стучало глухо и неровно.

Когда в лоток упала первая пачка отпечатанных снимков, он взял их, медленно перебрал, просматривая различные ракурсы изображения, потом отчего-то недоверчиво покачал головой и вновь обернулся к терминалу компьютера.

Прежде чем принять окончательное решение, он должен был еще раз взвесить все сопутствующие обстоятельства дела. Точно ли он единственный, кто верно истолковал значение снимка? Ему ли одному пришла в голову мысль о действительной информационной ценности смутно узнаваемого контура, который смазанным пятном мелькнул на грани угловой разрешающей способности объективов орбитального штурмовика «МАГ»?

Сейчас мы это проверим...

На экране монитора промелькнули грифы секретности, знакомые Покровскому по некоторым архивам почившей Конфедерации Солнц, затем появился и сам текст.

Генерал посмотрел в нижний угол экрана. Текст был «скачан» с архивного сервера Совета Безопасности Миров. То, что данный протокол оказался рассекреченным, ничуть не смутило Покровского. Кому как не ему было знать, сколь стремительно устаревает и обесценивается информация в современном мире, где события одновременно протекают на двухстах семнадцати населенных мирах...

Старый, никому не нужный протокол допроса десятилетней давности, сопровождаемый записями радиопереговоров да несколькими смазанными снимками космического пространства, сделанными с автоматических камер орбитального штурмовика.

...

Следователь:

– Господин Меркулов Ричард Эдуардович, капитан военно-космических сил системы Оргелейн, должность – командир истребительно-штурмовой эскадрильи «МАГ-3». Я верно изложил ваши данные?

Меркулов:

– Да.

Следователь:

– Ричард Эдуардович, месяц назад, а именно, 3 сентября 3960 года, по универсальному летосчислению, вы, командуя вверенной вам эскадрильей орбитальных перехватчиков «МАГ», поднялись с аэрокосмической базы в Шлугарде. Что послужило причиной старта?

Меркулов:

– На высоких орбитах планеты в районе станции защиты появился каперский носитель класса «Армада». Им был произведен запуск двадцати космических истребителей, которые атаковали базу, намереваясь пробить брешь в орбитальном щите планеты. Нас подняли по тревоге в шесть утра, и моя эскадрилья стартовала на перехват нападающих. Это был приказ командующего базой Шлугарда, полковника Хлудова.

Следователь:

– Ричард Эдуардович, вы атаковали истребители?

Меркулов:

– Нет. Я отдал приказ атаковать базовый корабль каперов.

Следователь:

– Какими соображениями была вызвана такая вольная трактовка полученного вами приказа? Ведь полковник Хлудов отдал распоряжение расчистить подступы к нашей орбитальной базе и патрулировать район до прибытия подкреплений. Это зафиксировано в записи сеансов радиосвязи.

Меркулов:

– Я знал, что зенитные батареи станции справятся с атакой вражеских истребителей. Поэтому моей целью стал базовый носитель, который, обнаружив наше появление, начал готовиться к гиперпространственному переходу.

Следователь:

– То есть вы вопреки приказу полковника Хлудова самовольно повели свою эскадрилью в атаку на пытавшийся ускользнуть базовый корабль каперов?

Меркулов:

– Да. Я хотел покончить с периодически повторяющимися набегами этого пирата раз и навсегда.

Следователь:

– Хорошо, Ричард Эдуардович, расскажите, что случилось позже.

Меркулов:

– Бортовой компьютер моего «МАГа» рассчитал, что атака на носитель будет завершена, прежде чем тот сориентируется для направленного гиперперехода. Угроза риска оставалась минимальной, так как в момент подготовки к прыжку носитель должен был свернуть все внешние системы локации и загерметизировать оружейные порты. Он оставался уязвимым. Но когда первое звено, которое возглавлял я лично, оказалось на дистанции прицельного огня лазерных комплексов, носитель начал спонтанный гиперпереход...

Следователь:

– Чем можно объяснить такие действия со стороны каперского корабля?

Меркулов:

– У пилота не выдержали нервы.

Следователь:

– Хорошо, Ричард Эдуардович. Что было дальше?

Меркулов:

– Неизбежное. Мое звено из трех «МАГов» оказалось в зоне действия низкочастотных генераторов каперского корабля, и нас затянуло в гиперсферу вслед за ним.

Следователь:

– Это был так называемый Слепой Рывок?

Меркулов:

– Естественно. Пиратский корабль не закончил ориентацию по точкам – значит, его навигаторы не могли знать, где их вышвырнет гиперсфера. Это был самый настоящий Слепой Рывок, совершенный в надежде на чудо.

Следователь:

– Вы видели этот корабль впоследствии?

Меркулов:

– Да. Мое звено покинуло гиперсферу вслед за ним.

Следователь:

– То есть вы всплыли в одной и той же точке трехмерного космоса, ориентируясь при обратном переходе по гравитационному следу каперского носителя?

Меркулов:

– Да.

Следователь:

– Приборы вашего штурмовика определили точку выхода?

Меркулов:

– Приблизительно. После первого выхода ориентация оказалась невозможной – нас вышвырнуло в районе плотных газопылевых скоплений. Капер тут же ушел в новый прыжок, мы последовали за ним.

Следователь:

– Второй выход был более удачен?

Меркулов:

– Да. Бортовая киберсистема закончила предварительное опознание ориентиров, когда мой «МАГ» подвергся атаке со стороны каперского носителя. В результате я лишился систем локации и всей внешней видеозаписывающей аппаратуры.

Следователь:

– Вы прекратили преследование?

Меркулов:

– Нет. Приблизившись к вражескому кораблю, я совершил еще два прыжка, сознательно оставаясь в зоне действия его низкочастотных генераторов. На третьем я его потерял и был вынужден прекратить преследование. Выбросив стандартный аварийный буй, мой «МАГ» восемнадцать суток дрейфовал в точке выхода. Затем я был подобран.

Следователь:

– С вами было еще две машины. Они не вернулись. Вы понимаете, что несете ответственность за их экипажи?

Меркулов:

– Да.

Ничего... Никакого намека на анализ видеоизображений...

* * *

Закончив чтение протокола, Покровский встал, подошел к объемной карте, занимающей собой всю стену его рабочего кабинета, и несколько минут стоял, пристально вглядываясь в чернь пространства, в глубинах которого были прихотливо разбросаны узоры звезд.

Между ними пульсировали схематические алые точки – так на карте были отмечены станции Гиперсферной Частоты.

Обитаемые миры выглядели в данной схеме несколько иначе – они часто, слишком часто за последнее время меняли свой цвет, переключиваясь из одной категории условных обозначений в другую.

Десять лет назад бескровно распалась победившая Землю Конфедерация Солнц. Молодые планеты Окраины, отстоящие отсюда на многие десятки парсек, пытались скроить новую политическую реальность обитаемой Галактики, основанную на суверенитете планет. Человечество в который раз дробилось, отторгая какую бы то ни было централизованную власть, и на этом фоне все созданное Конфедерацией тускнело, становилось неким набором атрибутов – памятником уходящей эпохе.

Единственное, чего не могли коснуться никакие потрясения внутренней и внешней политики планет, – были сотни станций Гиперсферной Частоты, продуманно рассредоточенные в пределах освоенного космоса. Они представляли собой не просто систему оперативной межзвездной связи – с некоторых пор станции ГЧ стали проводниками компьютерной сети Интерстар, без которой Человечество уже не могло бы существовать как единая Цивилизация.

Значение станций ГЧ и связанных с ними комплексов трудно переоценить. Это была единственная постоянно действующая, необрывная нить, протянутая между полутора сотнями обитаемых миров, нить, связующая различные культуры и типы мышления, а сеть Интерстар с ее принципом безграничной анонимной свободы еще более углубила эту связь, стала неким нивелиром человеческого сознания, средством взаимного проникновения антагонистических культур, источником информации о мирах, которые по тем или иным причинам считали друг друга чуждыми.

Станции ГЧ и существующую на их носителях сеть Интерстар можно было сравнить с широко открытым окном в обитаемую Галактику.

В любое время, с самого момента их возникновения, станции ГЧ являлись неприкосновенными конструкциями. Их персонал обычно составляли машины, а каждая из планет – неважно, была она богата или бедна, проповедовала космополитизм или же узость национальных взглядов – непременно заботилась о техническом состоянии своей станции Гиперсферной Частоты и связанных с ней гиперсферных маяков.

Любое, даже самое узколобое планетарное правительство понимало важность станций ГЧ. Никто не мог вообразить себе последствий, связанных с ее поломкой или разрушением.

Опыт Экспансии, очевидно, свидетельствовал в пользу того, что изоляция, одиночество – это деградация и смерть.

...

...Год за годом, столетие за столетием мы расширяемся, растем, и темп нашего продвижения в Галактику не снижается... Мы, как горсть пыли, брошенная под порыв ветра Вечности. Нас слишком мало... Мы теряемся на Галактическом просторе, между нами световые годы расстояний, но пока тянутся тонкие нити от одной станции ГЧ к другой, пока трепещут подле них крохотные маяки, служащие ориентирами для кораблей в великом Ничто гиперсферы, мы, при всех своих различиях, расовой неприязни и культе планетных суверенитетов, были и остаемся Человечеством...

...

Генерал Покровский вздрогнул.

Все это было наваждением, чушью... «Общечеловеческие ценности... – неприязненно подумал он, продолжая разглядывать карту. – А где в системе этих ценностей ваша истинная родина, господа продажные историки? Растоптать Землю вам удалось, смешать ее с грязью, с прахом забвения тоже...»

Покровский с тяжелым чувством отвернулся от карты. Он жил на Земле, принадлежал ей, и всю свою жизнь посвятил служению интересам прародины Человечества.

Земля не просто проиграла две войны.

Тысячелетие изоляции лежало на ней тяжким бременем. Почти тысячу лет в пространстве царил Конфедерация Солнц, но теперь она распалась, а что пришло взамен?

Сколько бы ни кричали новоявленные политики о культе планетных суверенитетов – это была лишь очередная сказка, миф, за которыми скрывались чьи-то конкретные интересы. Разобщенное Человечество становилось драчливым, буйным, непредсказуемым. Грань дозволенного быстро стиралась, а это чаще всего вело к катастрофам.

Образовался вакуум власти, а природа, как известно, не терпит пустоты. Этот вакуум должен быть заполнен, но кем?

Этот вопрос не давал покоя не только пожилому генералу.

Об этом думали тысячи людей на сотнях планет. Людей, облеченных властью или просто алчущих ее.

Скоро, очень скоро начнется крупный дележ Галактического пирога, и тогда все условности, моральные ценности, которые оставила в наследство почившая Конфедерация, полетят к Дьяволам Элио – это Покровский знал наверняка.

Власть в пространстве получит тот, кто окажется готовым принять и нести ее бремя.

Генерал вернулся за терминал. Он больше не испытывал сомнений. Пора было начинать действовать, но прежде чем он сделает свой первый шаг, следовало поставить последнюю точку над «i».

На осветившемся мониторе возник объемный контур космического корабля, изображенного на смазанных моментальных снимках.

Покровский смотрел на него и думал:

«Неужели вот так, в виде случайно попавшей в твои руки информации, приходит Судьба? Сколько человек видело эти снимки и не придавало им должного значения, не остановило кадр, не попыталось поймать ускользающий контур чего-то до боли знакомого...»

Генерал знал ответ на заданный самому себе вопрос.

Иваны, родства не помнящие, никогда не выстроят новую реальность. Вся кичливая тысячелетняя история Конфедерации начиналась отсюда, с Земли, но об этом не принято вспоминать.

Ни следователь, беседовавший с Меркуловым, ни сам пилот орбитального штурмовика не помнили настоящего прошлого.

Им хватало своих кладбищ кораблей, оставшихся после двух галактических войн. Кладбищ, за которыми наследники Конфедерации и уследить-то толком не могут. Они погрязли в узких рамках своих планетных интересов, а общечеловеческая история сегодня уже не волнует умы людей, она считается дурным тоном, областью отвлеченных, оторванных от реальности знаний...

Действительно, что за смысл обращать внимание на мертвый артефакт, промелькнувший где-то на границе кадра, даже не захваченный фокусом зрения этого Меркулова? Люди уже привыкли, что в некоторых секторах космоса, куда ни ткни, попадешь в какие-нибудь останки человеческой деятельности.

Для того чтобы обратить внимание на корабль, сфокусироваться именно на нем, нужно было знать этот контур.

Сотрудники Покровского его не знали, но имели четкую директиву – не упускать ничего, ни малейшей странности, способной иметь какую-то информационную ценность.

Ну а сам генерал этот контур знал. Он жил историей, дышал ею, для него она являлась не только прошлым, в котором слово «Земля» звучало как нетускнеющий символ цивилизации, – эта история помогала ему сберечь надежду на будущее. Именно потому он и не упустил зерно истины в потоке информационных плевел...

Пальцы генерала легли на сенсорную клавиатуру.

Умная программная оболочка, отреагировав на касание, ожила, услужливо укрупняя модель, затем разделила экран на два оперативных окна.

В одном медленно вращалось объемное изображение артефакта, а в другом появилась компьютерная модель некоего космического корабля, такого, каким он был заснят когда-то давным-давно, еще до старта.

Сходства осталось немного – время и космос нещадно и бесцеремонно поработали над ним, но Покровский уже не сомневался – это был ОН.

Повинуясь воле генерала, глянцевитая модель прекратила свое вращение. Касание сенсора – и борт корабля взорвался, отстреливая сотни спускаемых модулей, плиты обшивки встали на ребро, открыв продолговатые щели вакуум-створов, да так и остались торчать, до неузнаваемости обезобразив внешний вид конструкции.

Еще касание – и исчез лес ажурных антенн. Потом видоизменилась корма, сложив пространственную вилку двигательных секций в непривычное, но принципиально возможное положение.

Теперь и в правой, и в левой части монитора медленно поворачивались вокруг своей оси две одинаковые конструкции.

Без сомнения, кораблем со снимка являлась «Альфа» – первый колониальный транспорт Человечества, канувший в неизвестность более тысячи лет назад.

Теперь оставалось найти его, узреть воочию, узнать, что творится на его борту и какова судьба пятисот тысяч человек, которые были заключены в узилища низкотемпературных усыпальниц.

* * *

Для встреч с оперативниками у Покровского было несколько излюбленных мест.

В этот раз он выбрал старый промышленный район разрушенного временем мегаполиса. Для такой конспирации имелись веские причины.

Хотя Конфедерации Солнц, некогда победившей Землю, более не существовало, но в пространстве остался царить порожденный ею монстр – Совет Безопасности Миров. Конечно, после развала единого экономического пространства он уже не являл собой той силы, какой обладал несколько десятилетий назад, но большинство межпланетных договоров все еще действовало. В том числе и пресловутые параграфы Элианского Протокола, где были четко прописаны границы суверенитета планеты Земля.

Если следовать по пунктам упомянутого документа, то становилось ясно, что прародина Человечества, инициировавшая некогда вторую волну Экспансии и связанную с ней Галактическую войну, лишалась права на обладание армией, военно-космическим флотом и любыми видами вооружений, основанных на технологиях, запатентованных после 2750 года. Чтобы Земля не осталась беззащитной перед агрессией извне, ее противокосмическую оборону строил и контролировал Совет Безопасности Миров.

Вот так. Не больше и не меньше. Под благовидным предлогом «защиты» прародину человечества заточили в кандалы орбитальных станций, действующих и поныне. За века, прошедшие после подписания этих позорных документов, на Землю никто не покушался – кому нужна загаженная планета с умирающими мегаполисами и исчерпанными внутренними ресурсами?.. Так что боевые службы планетарной обороны, вольготно раскинувшиеся за синюю стратосферу, столетия подряд маялись не у дел, а вот базирующиеся там же подразделения разведки явно не страдали от безделья. Покровский точно знал, что вся поверхность Земли перекрыта орбитальными средствами электронного контроля. Современная аппаратура имела огромные возможности. Любой участок поверхности можно было не только «увидеть» из космоса, но и «услышать». Именно поэтому учебное заведение, которое окончил генерал внутренних сил самообороны Андрей Георгиевич Покровский, размещалось глубоко под водами Всемирного океана...

...Свернув с широкой автострады, Покровский вывел свой внедорожник на узкую, захламленную улицу, больше похожую на мрачное ущелье. По обе стороны возвышались облупившиеся фасады нежилых небоскребов, между домами царил густой сумрак, где-то под напором ветра нутужно поскрипывала отставшая облицовка, под колесами похрустывало выдавленное из рам полимерное стекло.

Старого генерала всегда удручали эти картины обнищания и запустения родной планеты. Покровский не любил созерцать падение мира, где родился и вырос. Однако от мрачных, уродливых пейзажей за окном не убежишь, не спрячешься... Приходилось молча терпеть и ждать своего часа.

Многовековая блокада Земли казалась ему тем более унижительной и несправедливой, поскольку она давно потеряла свой первоначальный смысл и продолжалась уже по инерции, в силу некоторых имперских амбиций правившей до недавнего времени Конфедерации Солнц... И даже с падением Конфедерации суть вещей осталась прежней – Землю не желали выпускать из состояния упадка и забвения, справедливо опасаясь, что в новой политической реальности кое-кто может опереться на старые, потускневшие символы, смахнуть с них накопье времен... Так что контроль со стороны Совета Безопасности в последние десять лет стал едва ли не жестче, чем раньше.

Ну, ничего, господа, до поры...

...Проехав несколько сот метров, он свернул на неприметный пандус, который серым языком асфальтобетона уводил на заброшенную развязку подземных уровней.

Резкое эхо захламленного тоннеля сделало отчетливым едва слышный звук двигателя машины. Покровский включил фары, и их лучи прорезали мрак, осветив шеренги выбитых осветительных панелей, обрывки свисающей со свода проводки, мусор и грязь.

Мощный внедорожник едва полз, расталкивая широким бампером скопившиеся тут обломки времени. Старый тоннель, экранированный от орбитальной слежки десятиметровым антирадиационным перекрытием, был идеальным местом для встречи, которую планировал провести Андрей Георгиевич.

...

Вадим Полуэктов ждал его у второй транспортной развилки.

Покровский остановился, подождал, пока оперативник сядет к нему в машину, потом включил дистанционный контроль, погасил фары и осмотрел плотный, воцарившийся вокруг мрак в инфракрасном свете.

Все было чисто. Никого вокруг, только крысы, эти вечные обитатели человеческих помоек, нет-нет да и мелькали на границе восприятия прибора. Датчик электронного присутствия спокойно моргал зеленым индикатором.

Покровский включил тусклый внутренний свет и протянул на заднее сиденье пачку привезенных с собой снимков:

– На, Вадим, посмотри пока... – произнес он, прикуривая первую за день сигарету.

* * *

Какую информацию можно извлечь из двух десятков нечетких, смазанных по краям видеоизображений?

Генерал откинулся на спинку водительского кресла, исподволь наблюдая за капитаном Полуэктовым, который медленно просматривал снимки, закладывая один листок за другой.

– Ну, что скажешь?

Вадим еще несколько секунд смотрел на особо приглянувшийся отпечаток, потом поднял взгляд и произнес:

– Космический корабль, очень старый, давно покинут, экипаж отсутствует, внешние повреждения незначительны, бортовая сеть, вероятнее всего, либо обесточена полностью, либо введена в энергосберегающий режим.

– Почему ты решил, что экипаж покинул его? – спросил Покровский.

Вадим взял один из снимков, развернул его изображением к генералу, показал на длинные ряды прямоугольных прорезей, которые тянулись по обшивке цилиндрического корпуса, и пояснил:

– По моему мнению, это стартовые шлюзы. Для обычного корабля их слишком много, значит, перед нами колониальный транспорт, причем, судя по нестандартной конструкции, один из первых. Огней навигации нет. Внешние створы стартовых отсеков никто не потрудился закрыть. Отсюда я делаю вывод: люди эвакуированы, корабль брошен. – Вадим поднял взгляд на Покровского, но тот лишь кивнул, мол, продолжай, капитан, слушаю.

Полуэктов не торопился. Разговаривать с Покровским всегда было сложно – генерал не любил пространных речей и нечетких формулировок.

– Отсутствие значительных скоплений мусора и кристаллизованных газов вокруг обшивки свидетельствует о герметичности корпуса. А вот это повреждение, – он указал на кратер с закругленными температурой краями, который выделялся светлой язвой на более темном фоне брони, – след удара крупной метеоритной частицы. Значит, корабль дрейфует в пределах

звездной системы, причем уже не одну сотню лет. – Вадим чуть отдалил выбранный снимок, прищурился и внезапно добавил:

– Фон странный, Андрей Георгиевич, не находите? Похоже на мощное газопылевое облако. – Вадим чиркнул ногтем по светлomu, похожему на едва заметный нимб пятну, которое выделялось в верхней части черно-белого снимка. – Облака газа, а сквозь них просвечивает звезда.

«Умно», – мысленно похвалил капитана Покровский. Он знал Вадима уже более десяти лет и был доволен тем, что Полуэктов в очередной раз блестяще подтвердил свою состоятельность, сделав абсолютно те же выводы из снимков, к которым пришел он сам, рассматривая изображения несколько часов назад.

Ладно... Пора было бросать фокусы и переходить к делу. Покровский сел вполоборота, посмотрел на капитана. Игра начиналась большая, жесткая, и на одной армейской субординации тут не проскочишь.

– Старые гиперсферные аппараты когда-нибудь водил?

– Нет. Теорию в принципе знаю, но практики никакой, – сознался Полуэктов.

– Скверно. А если возникнет такая необходимость? Справишься?

Трудно предугадать, какого ответа ждал Покровский, но Вадим не стал кривить душой, вытягиваясь во фрунт. Просто пожал плечами.

– Не боги горшки обжигают, Андрей Георгиевич. Если иного выхода нет, то...

Покровский внимательно посмотрел на него и признал:

– Иного выхода действительно нет, Вадим. Сейчас я коротко обрисую тебе оперативную обстановку, а там прикинем, что к чему. Итак, ты уже понял, что меня интересует этот старый корабль?

Вадим кивнул. Что же тут непонятного?

Покровский вынул из кармана прозрачный, герметично запечатанный пакет с заключенным внутри микрочипом.

– Это микропроцессор модулятора частот аварийной связи, – пояснил он, взвесив на ладони запаянный в пластик кусочек кремния. Тебе необязательно знать все нюансы, достаточно того, что в области, где дрейфует интересующий нас корабль, десять лет назад побывал некий орбитальный штурмовик. Он двигался в режиме слепых рывков. При этом каждый выход в трехмерный континуум обязательно маркируется гиперсферным источником сигналов. Этот чип настроен на частоты связи той планеты, к которой был приписан штурмовик. С его помощью можно запеленговать сброшенный автоматический маяк, то есть в нашем случае получить координаты искомой области пространства.

Вадим кивнул.

– Можно уточнить?

– Давай.

– Аварийные маяки очень невелики по мощности. Чтобы обнаружить его сигнал, нужно погружаться в гиперсферу достаточно близко от вероятного местонахождения прибора.

– Верно... Тут вступают в игру вторичные, косвенные данные. Ты сам отметил газопылевое облако, в котором просматривается аура звезды. Следуя методу исключения, я отбросил разреженные облака межзвездного газа и оставил для рассмотрения только очень плотные, относительно близко расположенные к Земле туманности, причем такие, в которых идут процессы новообразования звезд. Теперь место действия уже не кажется таким загадочным, верно?

– Туманность Ориона? – полувопросительно предположил Вадим.

– Она самая, – кивнул генерал. – По моему мнению, либо искомый объект дрейфует именно там, либо я промахнулся в своих рассуждениях и данное место находится где-то в иной части Галактики, недостижимо далеко от нас...

Вадим вовсе не собирался комментировать логику Покровского, но он чувствовал, генерал что-то недоговаривает, а потому спросил, тасуя в руках снимки:

– Я бы прежде всего допустил вероятность худшего исхода. Мало ли подобных газопылевых облаков? Если следовать статистике, то Туманность Ориона лишь один из сотен вариантов.

– Верно... Но есть один нюанс, который заставляет искать достаточно близко к Земле... – Покровский прищурился, глядя на Вадима. – Почувствовал, что недоговариваю, да?

Вадим пожал плечами. И он, и Андрей Георгиевич носили форму сил планетарной самообороны, попросту говоря, – полиции. Отсюда соответственно вытекали и рамки подчиненности.

– Это «Альфа», – взвесив все «за» и «против», произнес Покровский.

Вадим внутренне напрягся.

Вот это новость... Он постарался не выдать волнения случайной мимикой – генерал наблюдал за ним, наверняка оценивая, как подчиненный держит информационные удары.

Покровский достал сигареты, но стекла оставил закрытыми наглухо – его машина имела свою защиту от несанкционированного подглядывания и подслушивания, поэтому не стоило нарушать замкнутый контур. Включив систему кондиционирования, он прикурил, протянул Полуэктову початую пачку и произнес:

– Твоя задача заключается в том, чтобы проверить, действительно ли это первый колониальный транспорт Земли, и если да, то в каком он состоянии. Ты понял?

Дождавшись утвердительного кивка, генерал включил бортовой компьютер машины, откинул небольшой голографический экран и указал на возникшую внутри карту.

– Теперь по оперативной обстановке. Выдать тебе гиперсферный аппарат я не могу, у нас их попросту нет. Придется на первом этапе воспользоваться подручными средствами. Самый удобный для такой экспроприации пункт – это станция «Гамма» – старый форпост, плюс ремонтная база времен первой галактической... Брошенные рудники, исследовательский орбитальный комплекс, ГЧ-генератор, что исключительно ценно в нашем случае... Небольшой персонал, отдаленность, заброшенность – в общем, условия внедрения вполне подходящие. От нее до интересующего нас района туманности всего пара световых лет. Твое появление на «Гамме» будет подготовлено в ближайшие сутки.

– В какой роли я должен буду выступить на станции? – задал Вадим свой первый вопрос по поводу предстоящего задания.

Покровский усмехнулся.

– Сам подумай. Огласка нам не с руки, шума не должно быть никакого. Противоправные действия исключены, по крайней мере, на данном этапе операции...

Вадим задумался, но ненадолго. В глазах Полуэктова мелькнула и тут же пропала искорка понимания. Задание начинало ему нравиться. В деле присутствовала не только изрядная доля риска, одобренная мистикой древних артефактов, но и некое творческое начало.

А также возможность крепко поквитаться с людьми, которые держат Землю в нищете и разрухе вот уже несколько веков подряд.

– Думаю, что на «Гамме» полно старого, дышащего на ладан оборудования, – высказал он свои соображения. – А путевые техники вряд ли горят желанием попасть в такую дыру.

Покровский кивнул.

– Мои ребята уже «прокачали» сервер станции и выяснили, что должность инженера там относится к категории вечных вакансий. Кстати, знаешь, чем забиты их ангары? – с нехорошим юмором поинтересовался Покровский и, не дождавшись ответа, сказал:

– Старыми штурмовиками «Гепард» со снятым вооружением.

Эта модель была абсолютно незнакома Вадиму.

– Они в рабочем состоянии?

– Откуда... – махнул рукой генерал. – Говорю же, – путевого инженера на станцию не могут заманить уже много лет.

Полуэктов покачал головой, выражая сомнение по поводу такой схемы внедрения.

– Я не специалист по старой гиперсферной технике. Водил современные «Тайфуны», но генератор низкой частоты знаю чисто теоретически.

– Не волнуйся. Моя контора на что? – опять криво усмехнулся генерал. – У тебя будет несколько дней про запас, а пока суд да дело, соберем тебе карманный тестер.

– Диагностический компьютер?

– Ну да. Ты мнемоническую обработку проходил?

– Естественно. Навыки рукопашного боя, теория информационной войны...

– Пройдешь еще раз, – перебил его Покровский. – По теории ремонта штурмовиков «Гепард», – сухо добавил он. – Пусть о технических деталях у тебя голова не болит, ладно?

– Я понял.

– Вот и славно. Произведешь мелкий ремонт наиболее «живой» из пяти имеющихся на борту «Гаммы» машин, – продолжал развивать свой план Покровский. – Соответственно потребуются испытания. Когда погрузишься в гиперсферу,ставишь полученный микрочип на место стандартного. Если я не ошибся и маяк действительно был сброшен в том районе, то у тебя появятся координаты для прыжка.

– А чем занимается «Гамма»?

– Научный центр, – скупой ответил Покровский. – Филиал института исследований космоса, базирующегося на Элио. Станция, как я уже сказал, старая, дохлая, отдана на откуп ученым за полной практической ненадобностью. Единственную ценность представляет ГЧ-генератор, из-за него орбитальный комплекс и не законсервировали, как другие поселения сектора.

Вадим мысленно кивнул, соглашаясь. Станции Гиперсферной Частоты являлись слишком ценными конструкциями, чтобы попросту бросать их или допускать простой в работе.

– Что я должен буду искать, попав на место?

– Я хочу, чтобы ты детально осмотрел этот корабль. – Палец Покровского выразительно прижал стопку снимков.

– Как должен выглядеть прыжок? – Вадим уже начал мысленно свыкаться с заданием, и его вопросы отличались лаконичной скупостью. – Я должен буду вернуть «Гепард»?

– Желательно. Трудно предугадать, какой оборот примут события. Возможно, твое пребывание на «Гамме» потребуется и дальше. Два световых года – невелико расстояние, оттуда выйдешь на связь по аварийному каналу ГЧ, доложишь, что обнаружил очередную поломку в приводе. Помочь они тебе не смогут, предложат отремонтировать на месте. На этом этапе главное – обеспечить полную секретность. Любое слово, действие – все должно выглядеть естественно и не вызывать подозрений. Понял?

Вадим кивнул. Ему в свою очередь стало любопытно: что это Покровский так плохо владеет собой? Генерал явно волнуется. Бросив косой взгляд на снимки, Полуэктов спросил:

– Какого рода информация должна быть извлечена из «Альфы»?

Андрей Георгиевич понял подоплеку его вопроса. Он сам только что напирал на секретность, а она подразумевает быстроту, короткий срок проведения акции – если Полуэктов станет болтаться там неделю, то на «Гамме» обеспокоятся за своего сотрудника, начнут искать способы, как ему помочь.

«Двое суток... а то и меньше, – прикинул про себя генерал. – За этот срок много не накопишь, учитывая размер корабля...»

– Бортовой компьютер, – произнес он, обдумав вопрос. – Снять с его носителей всю доступную информацию по системам «Альфы». Целостность обшивки, наличие энергии, критические разрушения...

– А экипаж? Возможные пассажиры?

– Это меня пока не интересует, – отрезал Покровский. – Те, кто летел на нем, либо мертвы, либо сумели решить собственные проблемы много веков назад. Меня интересует исключительно корабль. Ты понял, Вадим?

– Да. Я могу запросить оперативный отдел о дополнительных деталях?

– Нет. – Покровский отрицательно покачал головой. – Оперативный отдел тебе не поможет. Детали операции разрабатываю я сам. Сейчас потихоньку выберемся отсюда, я отвезу тебя на квартиру, там у меня установлен защищенный от любопытных глаз и ушей терминал. Я тебе дам всю доступную информацию по «Гамме». Познакомься, набросай список необходимого оборудования... – Покровский помолчал, обдумывая, не упустил ли чего.

– Да, вот еще... Дела незаконченные остались? Свидания, там, подружки?

Вадим кивнул.

– Женщина?

– Нет, товарищ. Собирались вместе...

– Несущественно, – перебил его Покровский. – Дай координаты, ему сообщат.

Вадим знал, что спорить в данном случае бесполезно. Вытащил из внутреннего кармана электронный блокнот, набросал несколько строк записки и протянул Покровскому. Тот пробежал глазами по строкам, кивнул.

– На, забирай кристалл, капитан, и начнем работать. – Он извлек из специальной коробки информационный носитель. – Здесь все: подробный, поэтажный план станции «Гамма», досье на всех сотрудников, список и технические характеристики их оборудования, отдельным файлом я отметил все, относящееся к «Гепардам». В общем, вживайся.

* * *

Вполне естественно, что, разговаривая с Вадимом, Покровский не раскрыл ему и десятой части истины. С точки зрения генерала, Полуэктов был не более чем хорошим исполнителем.

Он завез капитана на конспиративную квартиру и, возвращаясь назад, к зданию полицейского управления, под «крышей» которого работала его «контора», Покровский думал о перспективах, забрезживших на горизонте с момента, когда он понял, что на снимках изображена легендарная «Альфа».

Он вдруг поймал себя на мысли, что совершенно непростительно волнуется, словно юноша-кадет перед первым свиданием с женщиной.

«Слишком многое брошено на кон, а как мало средств и возможностей для четкого исполнения операции...» – подумал он, выворачивая из теснины боковых улиц на главную магистраль города, где уже началось редкое движение машин.

Через несколько минут, поднимаясь по истертым мраморным ступеням управления полиции, он вдруг остановился, обернулся и глянул в окно на унылое, отливающее нездоровой коричневой дымкой небо.

В глазах старого генерала вспыхнул азарт игрока, который предвкушает, как двинет по доске первую фигуру начинающейся партии.

ГЛАВА 2.

Орбитальный комплекс сооружений, носящий непритязательное название «Гамма-4», вращался по орбите вокруг мертвого, лишённого атмосферы планетоида. Внизу, на поверхности безвоздушного космического тела, в мощные усилители станции можно было рассмотреть руины древних рудников, о которых напоминали узкие, обвалившиеся внутрь выходы шахт, куполообразные постройки подле них да еще старая, отжившая свое и брошенная за ненужностью горнопроходческая техника.

Комплекс издревле принадлежал военным. Во время первой и второй Галактических войн тут располагалась одна из ремонтных баз военно-космических сил Земного Альянса. Позже, уже после поражения Земли в ее историческом противостоянии с колониями, объект «Гамма-4» перешел во владение Совета Безопасности Миров, который некоторое время использовал орбитальный комплекс как контрольную точку.

Прошло еще несколько столетий, в течение которых Земля окончательно утратила свое былое политическое значение, и необходимость строгого контроля древних, ведущих к прародине гиперсферных трасс отпала. Военное присутствие в данном секторе пространства уже не требовалось, и тогда система орбитальных сооружений была передана в распоряжение института изучения космоса, базирующегося на далекой планете Элио.

Теперь на бывшем военном объекте «Гамма-4» располагалась вполне мирная научная станция.

...Джонатан Беркли, ведущий специалист научного центра «Гамма», стоял в окружении группы людей посреди обширного полусферического зала.

Раньше тут располагался главный командный пост орбитального комплекса – об этом свидетельствовали старые, так и не демонтированные терминалы боевых служб. Древние компьютеры высились по периметру помещения, застыв угрюмыми колоннами мертвого пластика, – их экраны оставались темны уже не одну сотню лет. С терминалов стирали пыль, обитатели станции привыкли к ним и воспринимали уже лишь как часть интерьера, тем паче что связанные с компьютерами системы противокосмической обороны давно канули в лету, а на месте бывших орудийных башен ученые смонтировали прозрачные, напичканные приборами купола, через которые велось непосредственное наблюдение за распухшим, тускло-красным шаром стареющего светила.

Станция «Гамма» уже давно жила по законам мирного времени.

...В центральном демонстрационном зале над постаментом голографического проектора пульсировала странная пространственная модель. Внутри объемного фрагмента черноты вращался маленький шарик, излучающий едва заметное глазу свечение.

Джонатан Беркли повел световой указкой, привлекая внимание столпившихся за его спиной людей к центру модели.

– Наша Вселенная вечна, господа, – произнес он вступительные слова. – Она пульсирует, то сжимаясь, то расширяясь, и каждый подобный цикл длится сотни миллиардов лет.

Беркли говорил тихо, неторопливо. Лишь внимательно присмотревшись к его слушателям, можно было понять: это не настоящие люди, а их изображения.

Начало лекции было захватывающим. Сейчас при помощи виртуальной сети Интерстар здесь «присутствовали» несколько сотен студентов самых элитарных учебных заведений многих планет. Подобные лекции Джонатан Беркли организовывал один раз в месяц.

* * *

Вадим Полуэктов выбрался из чрева «Гепарда» через нижний люк, к которому была прикреплена металлическая лестница. Серебристый космический истребитель стоял в шлюзовом ангаре на специальной подающей плите. Впервые попав сюда неделю назад, Вадим был неприятно поражен – на этой станции все дышало вопиющей древностью, отчего казалось абсолютно неузнаваемым. Даже элементарные электромагнитные катапульты, и те отсутствовали в конструкциях бывшей военной базы. Боевые машины в ту далекую пору, оказывается, подавались в космос через шлюз на специальной плите, и уже с нее осуществляли непосредственный старт.

Подобных тонкостей, касающихся почивших много веков назад технологий, Вадим не знал, и разбираться в них пришлось уже тут, на месте.

Сейчас он остановился подле стеллажа с инструментами, в очередной раз с недоверием осматривая исполинский механизм подающего суппорта. Ремонт гипердрайва благодаря технической поддержке карманного «умника», выданного ему Покровским, продвигался успешно, и уже через несколько часов ему предстояло испытать этот механизм в деле.

Вадим вполне обоснованно опасался, как бы чудовищный набор валов и гидравлических поршней не подвел его в самый ответственный момент. Застрять в наполовину открывшемся шлюзе было бы неприятно, но предварительно проверить древнюю механику подающей плиты не представлялось возможным.

Ладно, через час-другой увидим, что к чему...

Он вытер руки валявшейся на стеллаже ветошью и прикурил, облокотившись на инструментальную стойку.

Странное, волнующее чувство... Древняя техника казалась такой необычной, что он ощущал себя первооткрывателем.

«Гепард», возвышавшийся над ним, действительно выглядел очень внушительно, даже угрожающе. Этот многофункциональный космический истребитель являлся основной машиной, состоявшей на вооружении Земли к моменту вторжения сил Альянса в колонии. Его конструкторы добросовестно работали на войну, и аппарат у них получился соответственный: чрезвычайно простой с минимальными удобствами, но мощный, функциональный до последнего винтика. Электроники – минимум, все управление замкнуто на человека. Кабина тесная, но отлично бронированная, с внешней отражающей экранировкой, способной выдержать лазерные разряды.

Гиперпривод «Гепарда» поразил Вадима своей простотой – в нем был реализован самый древний и наиболее грубый способ создания локальной пространственной аномалии. Точечный удар высокой энергии просто рвал метрику пространства, позволяя кораблю провалиться в изнанку космоса. Обратный переход осуществлялся тем же варварским способом – никаких тебе генераторов низкочастотного поля, сворачивания метрики, всё – как прыжок в омут.

Докурив, он в последний раз хозяйским глазом окинул ангар и направился к выходу искать профессора Беркли. Прежде чем начинать окончательную подготовку к испытаниям, следовало получить добро у формального руководителя научной станции.

...

– ...Итак, перед вами зародыш очередного цикла пульсации Вселенной. – Огонек световой указки очертил границы сгустка материи, чье объемное изображение занимало собой центр демонстрационной сферы. – Назовем его протовселенной, сверхплотным сгустком материи, из которого на ваших глазах в очередной раз родится множество звездных сообществ.

Беркли сделал несколько шагов вдоль воспроизводящего устройства. Головы студентов поворачивались, провожая взглядом движение лектора.

Скопление вещества в глубине черного объема продолжало медленно пульсировать, излучая красноватый свет. Издали это образование можно было принять за некий живой окровавленный орган, только что извлеченный из препарированного тела.

Однако данное сходство быстро рассеялось. Тепловое излучение протовселенной становилось все интенсивнее, под воздействием идущих внутри процессов она теряла правильную форму шара, в некоторых местах из недр наружу начали вырываться потоки раскаленного ионизированного газа, схожие по своей структуре с солнечными протуберанцами, сгусток материи все более распухал, теряя геометрическую правильность форм, и...

...Вспышка ослепительного света затопила объем демонстрационной сферы, потоки излучений смели, растворили черноту, так, что на несколько секунд стало больно смотреть на голографическую модель мироздания.

– Вы видите момент Большого Взрыва, с которого началась очередная фаза пульсации Вселенной, – пояснил эту картину Беркли. – Сейчас в пространство извергается водород, небольшое количество гелия и потоки свободных электронов. Давайте запомним, что в этих основных компонентах заключено все вещество зародившейся Вселенной.

Неистовый свет внутри сферы погас, позволяя рассмотреть разлетающиеся в разные стороны от эпицентра взрыва сгустки раскаленных газовых туманностей.

– Прошли миллионы лет, – продолжал лектор, вновь обращившись к динамической модели расширяющейся Вселенной. – Облака газа, из которых произошли галактики, остыли, сконденсировались, и в них, в свою очередь, начали происходить процессы образования первых звезд. Еще раз хочу заострить ваше внимание, господа, что первичным материалом во Вселенной был водород. Все более тяжелые элементы таблицы Менделеева появятся позже и станут продуктом реакций термоядерного синтеза, протекающего в недрах звезд. Теперь давайте проследим, как формировались галактики и образовались первые звезды.

Демонстрационная сфера помутнела. Исчезла бездонная глубь пространства, а один из туманных островков укрупнился, приблизился, заполнив собой весь зримый простор.

– Вы видите горячую газовую туманность, осколок большого взрыва, типичный зародыш формирующейся галактики. Течение времени в нашей модели ускорено в десятки миллиардов раз по сравнению с реальным.

Бескрайнее туманное облако продолжало лететь в никуда, все более удаляясь от изригнувшего его центра мировой катастрофы. Одновременно по всему объему туманности начали закручиваться воронкообразные вихри.

– Как видите, водород начинает конденсироваться, уплотняясь в отдельные сгустки. Эти завихрения расположены по плоскости эклиптики будущего сообщества звезд. Каждое такое уплотнение становится локальным центром гравитации. Тяготение вновь образовавшегося сгустка втягивает в него все новые и новые порции вещества.

Студенты молча созерцали туманное газовое облако, в смутном объеме которого медленно копились уплотняющиеся массы. Внезапно дымку напоенного веществом пространства пронзила одна робкая вспышка, за ней вторая, третья...

Было в этой картине что-то завораживающее.

– По мере повышения плотности сгустков в их недрах росли давление и температура, пока наконец они достигли той критической точки, за которой началась термоядерная реакция синтеза. Исходным топливом в ней служил водород, конечным продуктом – гелий.

– Скажите, профессор, это было то время, когда зародилась первая жизнь? – нарушив монотонное течение лекции, спросил один из присутствующих в зале фантомов-абитуриентов.

Беркли повернулся к нему.

– Вы имеете в виду пространственные, небиологические формы жизни, молодой человек? – осведомился он.

– Да, Предтечи, Энтрифаги – ведь они должны были появиться в это время, верно?

– Я бы не хотел сейчас развивать данную тему, – сухо ответил ему Беркли. – Происхождение форм жизни во Вселенной – это отдельный вопрос, хотя он, несомненно, тесно связан с эволюцией вещества. О происхождении Предтеч нет однозначного мнения. Мы, по известным причинам, не имеем реальных образцов для непосредственного исследования этих жизненных форм, но данные, которые стали доступны после трагедии Черной Луны, ставят многих ученых в тупик и заставляют серьезно задуматься о глубине некоторых наших знаний. С точки зрения современной научной базы Предтечи не могли возникнуть естественным путем. У вещества взорвавшейся Вселенной не было никаких причин и возможностей для столь сложной самоорганизации. Любая материя, кроме законов физики и химии, подчинена еще и рационализму, иначе говоря, в природе протекают лишь те реакции, которые энергетически выгодны, а они, к сожалению, не могут привести к стихийному возникновению подобных форм. Что же касается Энтрифагов, то основой их молекулярного строения является углерод, так что они могли появиться только на последующем этапе эволюции вещества, когда первые звезды начали стареть и в их недрах возникли условия для синтеза данного элемента. У меня имеется собственная теория относительно возникновения жизни во Вселенной, но давайте не будем забегать вперед. Сложно понять самоорганизованную материю, не осознав пред этим, что происходит с материей обычной, в нашем понимании мертвой, подчиненной исключительно тем законам, которые давно известны Человечеству...

...

Хотел того Вадим или нет, но ему пришлось стоять и слушать. Прерывать лекцию он не решился, проще было дождаться ее окончания, тем более что рассказывал Беркли интересно.

Вообще, внутренний мирок станции «Гамма» Вадиму понравился. Ученые, в чье ведение перешел старый военный объект, казались ему чужаками, добровольно отрешившимися от мира реальности. Нет, ну на самом деле, как еще назвать людей, настолько увлеченных исследованиями, что они не замечают вопиющих неудобств, царящих на борту древней космической обители? А их отношение к старой военной технике? Знал бы Покровский, что на оружейных стеллажах ангаров до сих пор хранятся бог знает как пережившие все инвентаризации имущества несколько ракет «Факел» класса «космос – космос», одна из которых даже снабжена боеголовкой... С ума сойти. В первые дни Вадим немного злился на разгильдяйство обитателей «Гаммы», а потом просто махнул рукой: светлые умы, не от мира сего...

Ракету «Факел» он тщательно протестировал и загрузил в оружейный отсек «Гепарда», так, на всякий случай. Жаль, что в бесхозном инвентаре не нашлось снятых вакуумных затворов от бортовых орудий истребителя – он бы пристроил на место и их.

...

– Процесс эволюции звезд достаточно хорошо изучен, – продолжал тем временем свою лекцию Джонатан Беркли. – Светила, подобные Солнцу, вокруг которого обращается прародина Человечества, последовательно проходят через несколько жизненных циклов. Обратите внимание на экраны обзора, господа. – Он повернулся, указывая на пухлый, источающий красное сияние шар местного светила. – Когда-то эта звезда была желтой и разительно напоминала Солнце. Сейчас она превышает свой прежний диаметр в сотни раз, ее спектр излучения изменился, светило на несколько миллиардов лет стало красным гигантом. Это объясняется тем, что в ее недрах закончился водород, ядро звезды сейчас состоит из гелия, горение водорода продолжается лишь в верхних слоях ее атмосферы. Ядро очень горячее и плотное. Его излучение давит изнутри на газовую водородную оболочку, заставляя ее так чудовищно распухать. Верхние слои этой «звездной атмосферы» имеют сравнительно небольшую температуру, и потому излучаемый свет смещен в красную зону спектра. По аналогии с Солнцем можно сказать, что, когда подобные изменения затронут наше родное светило, оно тоже распухнет, поглотив орбиты Меркурия, Венеры, Земли и, вероятно, даже Марса. Жизнь в Солнечной системе станет невозможна.

Беркли вновь обернулся к модели разбегающихся галактик. В туманностях уже появились чистые окна бездонного мрака, многие звезды, сформировавшиеся на глазах слушателей, покраснели и распухли...

– Красные гиганты чрезвычайно важны. В результате начавшейся реакции горения гелия они вспыхивают, «сбрасывая» в космос свою газовую оболочку в виде расширяющейся планетарной туманности, которая в течение нескольких миллионов лет остывает и рассасывается без следа. Гелиевые вспышки катастрофичны, но в результате новых реакций термоядерного синтеза из атомов гелия начинает синтезироваться углерод. Звезда снова становится яркой и компактной. Затем, по мере выгорания гелия, процесс повторяется. Возникают все новые и новые вещества, звезда то «худеет», то распухает, и в ее недрах последовательно синтезируются все элементы, вплоть до железа. Если исходная масса звезды равна солнечной, то она в конечном итоге погаснет, превратившись в темного карлика. Это тихая смерть. Если же масса превышает несколько солнечных, то такая звезда в конце своего жизненного пути взорвется вспышкой сверхновой, ее вещество разлетится в пространстве, насытив его различными элементами, в том числе и такими важными, как кислород, азот, углерод.

Беркли прошелся вдоль округлого постамента проектора.

Звезды внутри демонстрационной сферы гасли, некоторые взрывались, источая в космос расширяющиеся туманности, из которых с течением времени начинали образовываться новые звезды и планеты.

– А как быть с элементами тяжелее железа? – задал вопрос один из студентов. – Такими, как золото, например?

Беркли повернул голову, посмотрел на него и кивнул, явно удовлетворенный вопросом.

– Все элементы тяжелее железа образуются как раз в момент вспышек сверхновых. Эти космические катастрофы также очень важны, ведь они не только позволяют образоваться редким элементам таблицы, но и перераспределяют вещество в пространстве. Именно благодаря тому, что в галактике эволюционировало и гибло первое, если так можно выразиться, поколение звезд, наша прародина Земля, сформировавшаяся, как и Солнце, из вторичной, уже насыщенной разными элементами газопылевой туманности, обрела те полезные ископаемые, которыми пользовался человек на протяжении тысяч лет докосмической эры.

– Скажите, профессор, а что будет, когда в галактиках израсходуется весь водород?

– Закономерный вопрос... – опять кивнул Беркли. – Новые звезды перестанут образовываться, старые постепенно догорят, вещество галактик будет отличаться разнообразием, но это станет мертвым, погасшим миром... Если бы Вселенная не пульсировала, то такое положение вещей означало бы конец всего сущего, но, к счастью, Вселенная вечна. К тому моменту, как первичные запасы водорода окончательно истощатся, разбегание галактик замедлится, затем остановится, после чего вещество Вселенной начнет попятное движение, вновь собираясь в одну точку.

– Протозвезда, профессор? – не выдержал какой-то из наиболее догадливых студентов.

– Да, господа, протозвезда. Вещество соберется вместе, тяжелые элементы будут подвергнуты реакции уже не синтеза, а ядерного распада, расщепления на более простые составляющие, энергия этих процессов станет копиться, давить изнутри на разогретый сверхплотный сгусток материи, пока это давление не превысит узы гравитации, и тогда Вселенная опять взорвется, разбегаясь сгустками галактик...

...

Через несколько минут, когда фантомные абитуриенты стали исчезать один за другим, Вадим подошел к Беркли.

– А, это вы... Здравствуйте. – Профессор посмотрел на Полуэктова. – Заинтересовались космогонией?

Вадим не стал лгать.

– Нет, пришел получить разрешение на испытательный старт.

– Уже? Так быстро? – Беркли казался искренне удивленным и обрадованным. – Замечательно. Вы представить себе не можете, как нам не хватает гиперсферных аппаратов для коротких прыжков. Эта туманность, посмотрите, – он широким жестом обвел состыкованные между собой матовые полотнища обзорных экранов. – Это место, где рождаются звезды! Поразительный объект для исследований, но мы вынуждены наблюдать за ним издали, не имея возможности разместить аппаратуру в самих пылевых облаках...

Вадим выслушал его, несколько раз кивнув.

К явному разочарованию профессора, у нового инженера был только один вопрос.

– Так я могу приступить?

Если бы Вадим знал, как скоро ему потребуются дополнительные знания по строению Вселенной, ее эволюции и теории возникновения жизни, то наверняка этих вопросов оказалось бы больше, но разве угадаешь заранее, что понадобится в жизни, а что нет?

Сейчас у него было вполне конкретное задание, и ему хотелось как можно скорее приступить к его исполнению.

* * *

Кабина «Гепарда» была очень тесной.

Кресло пилота, установленное на специальном противоперегрузочном ложементе, со всех сторон обступали приборные панели. Центральное место занимало мутно-зеленое полусферическое масс-детектора. Прибор улавливал гравитационные возмущения пространства, одинаковые как в гиперсфере, так и в реальном континууме, и передавал их условные значения на расположенный перед пилотом полусферический объемный монитор.

Тихо прошипела пневматика люка, и все внешние звуки исчезли.

Вадим протянул руку в перчатке скафандра к ровным шеренгам выключателей стартовых последовательностей.

Палец касался сенсорных псевдокнопок, и вслед его движению оживали системы корабля.

Включено... Включено... Включено...

– Борт «Гепард», вызывает «Гамма», ответьте нам... Проверка связи.

– Да, слышу отлично... – Вадим продолжал предстартовые процедуры.

– Начинаем откачку воздуха из шлюза. Проверьте герметизацию.

– Норма...

По всему пространству шлюзового ангара вспыхнули красно-голубые предупреждающие огни.

– Начало декомпрессии.

Было в этой древней процедуре что-то магическое. Вадим ощутил, как дрогнула под кораблем подающая плита и одновременно гигантские створы перед «Гепардом» начали расходить, обозначив узкую щель.

Современные корабли стартовали совершенно по-другому. Суспензорные поля, способные удерживать атмосферу и в то же время пропускающие твердые тела, существенно упрощали процедуру шлюзования, а электромагнитные катапульты сводили процесс старта к нескольким секундам.

Здесь, на «Гамме», все было так непривычно.

«Хорошая практика перед свиданием с „Альфой“... – подумалось Вадиму. Может быть, Покровский именно поэтому остановил свой выбор на старом аванпосту времен Первой Галактической?»

Стартовая плита, ощутимо вибрируя, поползла вперед. На боковых мониторах рубки медленно проплыли габаритные огни открытых внешних ворот.

– «Гепард», вы вышли.

Ладонь Вадима сжала рукоятку управления двигателями, палец скинул скобу предохранителя с гашетки зажигания.

Нижние дюзы отработали коротким импульсом, подняв «Гепард» со стартовой плиты.

– «Гамма», отрыв произведен. Включаю маршевые установки. Можно задвигать плиту.

– Принято, спасибо. Удачи.

Створы шлюза за кормой истребителя начали обратное движение.

Корабль несколько секунд продолжал плавно скользить вверх, потом включились маршевые секции двигателей, и он сорвался с места, стремительно превращаясь в крохотную, исчезающую точку.

* * *

Через тридцать минут, набрав нужную скорость, Вадим включил гипердрайв.

Черная мгла внепространственного перехода всколыхнулась вокруг, слизнула звезды с обзорных экранов, оставив лишь тусклый свет приборных панелей да сюрреалистический танец трепещущих зеленоватых линий внутри полусферической выпуклости масс-детектора.

Тьма.

Она навалилась со всех сторон, мгновенно швырнула разум в пучину безвременья.

Век живи, век учись... Вадим не представлял себе и сотой доли тех ощущений, что предлагала гипертсфера пилотам древних космических аппаратов, времен Первой Галактической войны.

Несколько секунд ему потребовалось на то, чтобы пережить чувство внезапной слепоты, потерянности. Это совсем не походило на современный гиперпрыжок. Наблюдать, как отключается большая часть пилотажного оборудования, приспособленная к работе в трехмерном континууме, как вспыхивают и медленно гаснут на дисплеях бесчисленные надписи «Ошибка», пока в кабине в конце концов не осталась работать лишь мутно-зеленая полусфера масс-детектора, было, как минимум, неприятно.

Казалось, что корабль и человек испытывают схожее чувство замешательства – бортовой автоматике потребовалось значительное время, чтобы реактивировать программы и загрузить новые модули памяти, предназначенные для работы с гипердрайвом. Вадим не привык к такой медлительности киберсистем, и с каждой минутой, пока внутри терминала шла обработка новых данных, соответственно росла и его тревога.

Наконец осветилось несколько секций пульта и на навигационный дисплей выползли первые строки сообщений, свидетельствующие о включении автопилота.

Сдавленно пискнул предупреждающий сигнал – это одна из трепещущих, змеящихся линий угрожающе приблизилась к хрупкому по сравнению с действующими тут силами кораблю.

Руки Вадима охватили рукоятки ручного управления системой струйных рулей ориентации, но это оказалось излишним – заработавший автопилот уже внес поправку в курс; трепетная зеленая линия отклонилась вправо и начала медленно отплывать на безопасное расстояние.

Убедившись в состоятельности бортовой электроники, Вадим извлек из нагрудного кармана микрочип, переданный ему Покровским. Крышка резервного навигационного блока отделилась безо всяких усилий. Он вынул стандартный модулятор частот, вставил на его место свой, привезенный с Земли. Теперь блок будет игнорировать все гипертсферные частоты связи, кроме той, на которой работали аварийные маяки орбитальных штурмовиков «МАГ».

Касание сенсора, и на дисплее вспыхнула надпись:

«Смена основной системы поиска на резервную, подтвердите ввод».

Еще одно прикосновение к псевдокнопке, и объемный экран масс-детектора на миг замутился, стал матовым.

Когда в его глубинах просветлело, то в зеленоватой полусфере среди трепещущих линий гравитационных отпечатков реально существующих звезд вспыхнула сиротливая алая точка.

Маяк. Надо же... С первой попытки, в самое яблочко.

Впрочем, Вадим мог бы не удивляться прозорливости Покровского. Тот редко ошибался в своих выводах.

Спустя несколько минут, когда расчеты были окончены, он загрузил результат в блок автоматического пилотирования, дождался, пока система подтвердит ввод, и просто коснулся пульсирующего красного круга с надписью:

«ПРЫЖОК».

* * *

Как справедливо сказано еще в древности: «Все познается в сравнении».

Вадим Полуэктов имел действующее удостоверение гиперсферного пилота – он водил современные боевые корабли на шестом-седьмом энергоуровнях аномалии космоса и привык к их мощной защите, позволяющей совершать мгновенные броски от звезды к звезде. Здесь же все обстояло иначе: касание псевдокнопки привело лишь к тому, что на мониторе высветилась очередная надпись:

«Прыжковая программа запущена. До окончания процесса осталось десять часов пятнадцать минут».

Фрайг их всех раздери...

Техника гиперсферного привода в данном случае оказалась разительно не похожей на современную, хотя исполняла те же функции. С таким же успехом можно было поставить рядом древнюю конную повозку и современный флаер.

Вадим мысленно переварил надпись, заставил себя смириться с ней, потом откинул забрало гермошлема и угрюмо уставился в черноту обзорных экранов, где в данный момент не присутствовало ничего, кроме его смутного отражения.

Десять часов в изнанке космоса, среди коловращения энергетических потоков, под утлым прикрытием пятимегаваттного щита?... Не очень-то уютно.

Закуривая, Вадим не представлял, что только начинает вкушать все прелести древних технологий.

* * *

Через тридцать пять часов, после двух незначительных поломок в цепях гипердрайва и одного сбоя в работе бортовой киберсистемы, он наконец понял, что возвращается.

Нервы пилота, как это обычно бывает при подъеме из «гипера», уже не верили ничему: после полутора суток глухого ожидания, которые нельзя было описать термином «полет» – ибо понятия скорости, расстояния и времени являлись тут величинами абстрактными, теряющими свой практический смысл, – разум отказывался верить в дрожащие показания световых столбиков, которые медленно, но неуклонно карабкались вверх, показывая, что он всплывает из Великого Ничто...

Силовая защита его «Гепарда» – космического многоцелевого штурмовика класса «XL» едва держалась, окутывая покрытый шрамами корпус старого, выдавшего виды космического

корабля бледным фантомным сиянием. Индикатор напряженности защиты робко показывал значение в полтора мегаватта, плюнь – и рассыплется...

Лицо Вадима, по которому змеились блики от контрольных огней пульта управления, казалось сейчас какой-то тотемной маской – в нем не было ни кровинки, кожа посерела, щеки ввалились, осунулись.

Сколько часов он не спал?

Бортовой хроно не мог ответить на этот простой вопрос – он был отключен, так же как и все вторичные энергопотребляющие системы.

Корабль казался истощенным не меньше, чем человек.

И все же Вадим чувствовал – он всплывает. Эта мысль билась в отупевшем от усталости мозгу, не давая рукам расслабиться и сползти с пористых рукояток астронавигационных рулей.

Из состояния отрешенности его вывел тихий, мелодичный сигнал бортовой киберсистемы.

Приближался уровень пространственного перехода.

Вадим машинально поерзал в кресле, собрав остатки сил, подтянулся, пробежал взглядом по шеренгам полуживых датчиков...

Картина получалась неутешительной.

Энергия почти на нулях, маневрового топлива и того меньше – пришлось потратиться на пять неплановых коррекций после поломок и сбоев.

Впрочем, сейчас ему хотелось одного – вновь увидеть на обзорных экранах нормальные звезды, а там посмотрим...

...И они появились.

Внезапно, стремительно, ослепляющие...

Тонкие росчерки доплеровских полос вдруг возникли на обзорных экранах, где до этого властвовала вязкая непроглядная чернота, потом они вдруг стали укорачиваться, схлопываясь в ослепительные, острые, холодные точки, мрак наполнился новым смыслом, жизнью, и, будто подтверждая это, коротко взвыли сигналы радаров – где-то рядом присутствовали космические тела.

Вадима на миг оглушила эта феерия вернувшихся чувств – он ощущал себя, как внезапно прозревший слепец: приборы, которые молчали в пространстве гиперсферы, внезапно ожили, все разом, наперебой демонстрируя ему свои показания, но, как обычно, в первые секунды после перехода внимание пилота бывает приковано не к приборам, а исключительно к экранам обзора – кто не испытывал этого чувства, не выпивал первый миг возвращения, тот никогда не занимал места в центре сложного ложемент пилота гиперсферной машины.

Первым его ощущением, которое сменило щемящую радость, было удивление, вслед за которым уже наперебой постучались в сознание досада, тревога и тягучее, пробежавшее вдоль позвоночника волной дрожи чувство смертельной опасности.

Беглый взгляд вбок и вверх показал ему огромный, эбеново-черный космический корабль, со странным, невиданным строением корпуса: он походил на распутившийся в пространстве бутон черной металлической розы, которую окружал тусклый ореол энергетической защиты.

Фрайг побери, что же это за диковина?!

Думать дальше было некогда – «Гепард», желал его пилот этого или нет, внезапно оказался под огнем.

Вадиму на миг показалось, что он бредит.

Ему повезло – из памяти бортовой машины не были удалены программы тех лет, когда «Гепард» использовался по своему прямому назначению.

Включившийся боевой автопилот отреагировал блестяще – мощным импульсом корректирующих дюз он сжег остатки топлива из баков, вырвав тем самым штурмовик с линии огня, и сияющие росчерки когерентного света пролетели мимо, даже не задев смехотворной защиты.

Зубы Вадима лязгнули от резкого ускорения, голову мотнуло назад и вбок, вдавив затылок в валик подголовника, он выругался сквозь стиснутые зубы, перехватив управление, и на жалких остатках топлива повернул корабль к атаковавшему его объекту.

Это был скорее инстинкт, чем осознанное, взвешенное решение.

Космический бой не предполагает проволочек. Тот, кто колеблется – уже мертв.

«Ракета „Факел“ – в шахте», – высветил боевой монитор.

Вадим сжал гашетку.

Из-под уплощенного корпуса штурмовика вырвался ослепительный выхлоп, на острие которого неслась сейчас самонаводящаяся по пеленгу теплового сигнала боеголовка.

«Обидно... – метнулась в голове злая, запоздалая мысль. – Столько бороться, карабкаться, и получить бой на выходе – такого невезения просто не бывает...»

Мысль оказалась злой, горячеей, тоскливой.

Вот сейчас эта махина развернется и, кем бы она ни была, – жажнет один раз из главного калибра...

Действительно, жажнула.

Однако залп получился вовсе не такой убедительный и убийственный, как думал Вадим.

Кому сказать – его допотопная ракета с легкостью проскочила защиту, предназначенную для отражения энергетических лучей, и ударила в борт «Черной Розы», как мысленно окрестил Вадим этот корабль.

Последствия оказались удручающими, хотя наблюдать их и торжествовать он смог не более нескольких секунд – в космос ударила вспышка, выметнулись рваные куски черной брони, вслед которым характерно хлопнул выброс газа, смешанный с мелкими обломками, и...

Ослепительный, рубиново-красный луч все же нашел его, полоснув по броне штурмовика, наискось через блистерный выступ рубки, разнял металл брони вишневым шрамом, и внутри машины со звоном вылетели экраны, задымились провода. Только Вадим уже не ощущал ничего – повиснув на страховочных ремнях, он ополз по креслу, подголовник которого пробил разрезавший броню луч, и лицо его было белее снега...

Мог ли генерал Покровский хотя бы предположить, что инициированный им поиск окончится столь быстро и плачевно?

Вероятнее всего, что нет.

Такое невозможно предугадать заранее.

Если бы Вадим, безвольно обвисший на ремнях пилотского кресла, мог хоть на миг прийти в себя, то он бы увидел, как в уродливой прорехе распоротой лазерным лучом обшивки медленно проплывает контур того самого корабля, который был изображен на снимках.

Черный металлический бутон, потеряв всякий интерес к изуродованному штурмовику, величественно удалялся. По его корпусу в районе попадания ракеты суетливо ползали какие-то механизмы.

Вдали, создавая панорамный фон, ярко пылала пронзительно-голубая горошина звезды; еще несколько светил угадывались в мутном фоне пылевых облаков, окружающих чистое пространство внутри системы. Лучи звезд, скрытых в завесах газа и пыли, подогревали их вещество, заставляя облака туманности светиться целой гаммой красок, от тускло-багряного до изумрудно-зеленого.

Изувеченный штурмовик, медленно вращаясь, плыл по направлению к грязно-коричневому пухлому шару газовой планеты, разительно похожей на Юпитер.

На орбитах гиганта угадывались два спутника, оба укрытые шапками атмосфер.

Черная металлическая роза медленно плыла к одному из них.

Последний штрих данной реальности составляли пять бледно-голубых энергетических сгустков, внезапно вынырнувших из верхних слоев атмосферы газового гиганта.

Внешне они очень напоминали непомерно большие шаровые молнии.

Сориентировавшись в пространстве, пять плазмоедов резко ускорились и взяли курс на изувеченный штурмовик класса «Гепард».

ГЛАВА 3.

Надписи на мониторе:

«Отказ управляющих функций».

«Код аварийной тревоги – красный».

«Внимание! Вторжение в бортовую сеть».

Прибор пищал, не смолкая ни на секунду.

В крошечной тьме металось расплывчатое сиреневое пятно.

Тусклая искра индикатора часто взмаргивала, отражая процесс загрузки каких-то программ и одновременно выхватывая из мрака неясный контур компьютерного терминала.

Шли минуты. Источник бледного сиреневого света прекратил свое хаотичное движение и застыл, расплывшись тонкой мерцающей пленкой, перегородившей проем выбитого люка. Внешне это выглядело как некая разновидность энергетического поля – голубые заряды статики блуждали по тонкой, прозрачной мембране, изредка срываясь мгновенным разрядом на близкий выступ покореженной переборки.

Индикатор на компьютерном терминале продолжал судорожно моргать.

Вспышка...

Где-то под потолком зажглась и тут же лопнула, роняя водопад искр, лампа освещения.

Неудачная попытка.

Сизый дымок сгоревшей изоляции тонкими струйками сочился из хаоса труб, расположенных под сводом помещения, сплетая замысловатые узоры в застойном, неподвижном воздухе отсека.

Вверху опять что-то с треском заискрило и внезапно зажегся свет – тусклый, красный и тревожный.

В мерцании аварийных ламп стали различимы предметы.

Отсек был круглым, с одним выходом. В центре помещения располагался подпирающий свод столб диаметром в метр. На высоте человеческого роста по поверхности колонны тянулось кольцо экранов, ниже выступали скошенные приборные панели, выше шел черный, глянцеви́тый пластик покрытия, из которого через равные промежутки выходили гофрированные шланги каких-то систем.

Они изгибались морщинистыми дугами и исчезали в недрах семи камер низкотемпературного сна.

Весь комплекс казался мертвым. Если не считать неустанно моргающего индикатора и единственного не выбитого экрана, то в сложном компьютерном терминале не работала ни одна система. Да и криогенные камеры, отходящие от его основания, будто матовые лепестки раскрывшегося механического бутона, выглядели далеко не лучшим образом: по их полупрозрачным крышкам змеилась замысловатая паутина трещин, два колпака провалились внутрь, и на их продавленной поверхности лежали обломки сорвавшихся с потолка механизмов.

Вдоль закругляющихся стен помещения шла узкая кольцевая дорожка. Одной стороной она граничила с постаментами криогенных камер, другой была обращена к распахнутым дверцам узких встроенных шкафов, из которых кто-то торопливо и бессистемно вывалил на пол все содержимое.

Дыхание хаоса смерти ощущалось в предметах, обстановке, освещении.

Но сиротливые строки на уцелевшем мониторе говорили об обратном – что-то ведь пыталось овладеть давно погибшей системой управления? Или это был случайный всплеск энергетической активности в цепях бортового компьютера, похожий на прощальную судорогу затнувшейся в веках агонии?

Стоило взглянуть на перегородившую проход энергетическую пленку, как подобная догадка тут же принимала зловещий оттенок. Вещи, раскиданные вокруг изувеченных криогенных камер, недвусмысленно указывали на то, что данное помещение создано людьми и когда-то принадлежало им, но сейчас? Что за силы пытались вдохнуть жизнь в обломки электронных систем?

Внезапно в коридоре, который был отделен от отсека той самой призрачной, мерцающей пленкой, появилось несколько свободно парящих над полом бледно-голубых образований, похожих на студенистые комки мерцающего желе. Они плыли среди парящих в невесомости обломков, расталкивая их в разные стороны. При соприкосновении с предметами вспыхивал и тут же гас бледный, нереальный свет.

Первый из парящих сгустков, достигнув мембраны, на секунду слился с ней, а затем материализовался с другой стороны – словно из мерцающей преграды невидимый озорник выдул радужный мыльный пузырь.

Повисев в воздухе, полуметровый аморфный мячик взмыл к потолку отсека.

Спустя секунду там раздался напряженный треск, полыхнула яркая вспышка и вниз с грохотом посыпались обломки труб, вслед за которыми безвольной змеей вывалился трехметровый огрызок силового кабеля.

Черная силовая кишка, медленно раскачиваясь, повисла, чуть не достав до пола своим оплавленным торцом.

Пока происходили эти события, еще три плазмоида просочились сквозь мембрану. Один из них, описав в застойном воздухе искрящийся полукруг, вдруг коснулся торца перерубленного кабеля и непонятным образом влился в него.

Второй опустился на колпак наименее поврежденной криогенной камеры и растекся по ней тонкой мерцающей пленкой.

Два оставшихся аморфных сгустка проявили наконец резвость – они быстро слились со своим братом, который в данный момент герметизировал криогенную камеру, прошли сквозь него, продавили треснутый колпак и некоторое время оставались внутри.

Что они делали там, рядом с останками человека, оставалось только гадать.

Тусклый красный свет аварийных ламп продолжал бликовать на распахнутых дверцах стальных шкафов. Обстановка отсека, учитывая происходящие события, уже не казалась гнетущей – у любого нормального человека она бы вызвала ужас.

Два плазмоида, совершив какие-то действия внутри криогенной камеры, просочились наружу, опять спокойно пройдя сквозь мерцающую пленку, в которую превратился их брат.

Несколько секунд они висели в воздухе подле терминала, а потом поочередно влились в разъемы, через которые к компьютерному комплексу должны были подключаться внешние устройства.

Судорога огней пробежала по столбу.

Строки тревожных сообщений слизнуло с монитора; теперь там вспыхивали и гасли нескончаемые коды ошибок.

В гробовой, напряженной тишине было отчетливо слышно, как внутри компьютерного комплекса вдруг зашуршали охлаждающие вентиляторы, что-то тихо, прерывисто защелкало, затем с нудным, высокочастотным визгом раскрутился давно остановившийся привод носителей информации.

Должно было произойти нечто страшное.

Это походило даже не на грабеж могилы – какое-то непотребное, лежащее вне пределов человеческой этики, циничное, расчетливое изнасилование давным-давно омертвевшей кибернетической системы, которая погибла вслед за теми, кто ее создал.

Коды ошибок внезапно перестали поступать на экран монитора. Вместо них вспыхнуло и погасло несколько строк текстовых сообщений системы:

«Инициация баз данных».

«Тестирование оборудования».

«Загрузка аварийных параметров поддержания жизни».

Что-то резко зашипело в основании криогенной камеры, потом раздался журчащий звук, быстро перешедший в бульканье.

Внутри под раздавленным, треснувшим колпаком явно начинался какой-то процесс.

Экран монитора опустел.

Система больше не выдавала сообщений – в ее базе данных не оказалось адекватных назревающим событиям текстовых строк.

* * *

Фаг не торопился.

Он зафиксировал тот момент, когда пять плазмоидов оторвались от размытой границы атмосферы газового гиганта и рывком преодолели расстояние, отделявшее их от мертвой древней конструкции.

Отработав двигателями коррекции, он развернулся в сторону мрачной, уродливой глыбы космического корабля, которая не так давно выплыла из мрака пространства в непосредственной близости от планеты и теперь выписывала петлю вокруг пухлого шара, чтобы спустя какое-то время вновь кануть в чернь пространства, следуя вытянутому на миллионы километров эллипсу своей орбиты.

Плазмоиды уже скрылись за обшивкой древней конструкции, но сканеры Фага продолжали отслеживать их движение.

Наконец, когда конечная цель голубых мячиков стала очевидна, Фаг принял решение атаковать. Неторопливо развернувшись, он поплыл к зияющему провалу навек открытых вакуумстворов древнего корабля.

Внешний вид Фага наводил на неприятную мысль о некоей разновидности боевой техники – если брать приближенные к человеческим понятиям аналогии, то более всего он напоминал обтекаемую модель горбоносого космического истребителя.

Собственно, на форме корпуса и кончалось всякое сходство. Детали, различные невооруженным взглядом, рождали совсем иную, еще более неприятную ассоциацию.

Это казалось машиной только на первый взгляд.

Обшивка Фага не была монолитной. Его черные, глянцевиные бока находились в постоянном движении, словно он дышал... – это ритмично приподнимались и опускались захватывающие окружающий газ сегменты брони, работающие, как жаберные крышки у рыб.

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Разреженный, подогретый лучами звезды водород втекал в его внутренности.

Машина? Существо? Гибрид?

Острым, пронзительным факелом вспыхнул в корме странного аппарата клинок плазмы, вырвавшийся из маршевого сопла. Фаг стремительным росчерком сорвался с места, влетел в раздвинутые створы шлюза, на миг вспыхнул, объятый выхлопом торможения, и завис напротив сомкнутых внутренних ворот.

В беззвучии вакуума открылась диафрагменная заслонка, откуда на гибком приводе выдвинулся красноватый глаз сканера.

Привод изогнулся, наклонился в одну сторону, в другую, потом предпринял вращательное движение, описав окружность, пока не зафиксировал место, где плазмоиды осуществили свое внедрение.

Выбитый технический люк с оплавленными лепестками диафрагмы открывал чернеющий вход в недра корабля.

Фаг не мог следовать данным путем и потому был вынужден действовать иначе. Отработав двигателями, он вплотную подлетел к сомкнутым воротам, завис напротив избранного участка, и из его корпуса вдруг вырвались два остросфокусированных луча, похожих на жирные красные шнуры.

Это работали инфракрасные лазеры с термоядерной накачкой от внутреннего реактора. Применение плазмы показалось Фагу неоправданным расточительством.

Два параллельных луча впились в броню ворот. Когда металл покраснел до цвета спелой вишни, Фаг начал медленно вращаться вокруг оси, описывая лучами идеальную окружность.

Прошло секунд десять или пятнадцать, и ровный, круглый кусок обшивки диаметром в метр вышвырнуло из прорезанного отверстия, как пробку из бутылки шампанского.

Вслед за раскаленным куском брони в вакуум выметнуло облако мутного газа вперемешку с каким-то мусором. За воротами, оказывается, оставалась атмосфера, но она быстро улетучилась, заодно охладив края вырезанного отверстия.

Дождавшись, пока поток газа иссякнет, Фаг подплыл к дыре.

Его конический нос вошел в нее, обшивка царапнула по обшивке, и корпуса прочно притерлись друг к другу.

Судьба плазмоедов была предрешена.

* * *

Тем временем события в криогенном отсеке продолжали идти своим чередом, подчиняясь какой-то непонятной схеме.

Резкий перепад давления не смог повредить тонкой энергетической мембране, в которую превратился первый проникший на корабль плазмоед. Поверхность сиреневой пленки, перегородившей собой проход, лишь на секунду всколыхнулась, вспыхнула радужными пятнами и вновь приняла прежний вид.

Бульканье в изувеченной криогенной камере стихло, теперь тишину отсека разгоняли лишь шелест вентиляторов да надсадный визг какого-то привода, вращающегося внутри компьютерного терминала.

Таинственный процесс шел полным ходом и должен был закончиться в течение ближайших нескольких минут.

* * *

После внедрения сквозь внутренние ворота вакуум-створа нос Фага оказался в узком, темном, разгерметизированном коридоре, который вел в недра космического корабля.

Было совершенно непонятно, каким образом странный аппарат собирался действовать дальше?

Ответ не заставил себя ждать.

Внезапно сегменты носовой брони Фага пришли в движение: между ними резко обозначились щели, и остроугольные секции начали расходиться в стороны, раскрываясь, будто лепестки цветка.

Внутри Фага находилась сложная система, состоящая из шлангов, сервоприводов, покрытых защитной гофрированной оболочкой кабелей, – и все это было причудливо перемешано между собой, не оставляя даже намека на свободное внутреннее пространство.

Отдельные элементы этой сложной конструкции тянулись в глубь корпуса, исчезали в его стенках; основная же масса образовывала клубок, внутри которого оказался заключен шар диаметром в полметра.

Прошло еще несколько секунд, и этот клубок, в свою очередь, пришел в движение.

Сверкнуло несколько разрядов в тех местах, где кабели имели разъемы, и шар внезапно отделился от основного тела конструкции. В тишине вакуума не было слышно, как сработали подающие приводы, когда два тонких, хрупких на вид механических манипулятора вынесли полуметровую сферу, украшенную безвольно обвисшими отрезками кабелей и шлангов, далеко вперед, за пределы раскрывшихся сегментов корпуса.

Последующие события выглядели еще более зловеще.

В течение нескольких минут из раскрытого чрева Фага выдвигались многочисленные наборы манипуляторов, которые точными, выверенными движениями производили подключения к шару различных навесных агрегатов. Когда последний из кабелей вошел в соответствующий ему разъем, на полу коридора, уводящего в темные недра космического корабля, стояла, опираясь на четыре гибкие сервоприводные конечности, некая конструкция, внешне неприятно напоминающая огромное, тускло отсвечивающее глянец брони механическое насекомое.

Еще секунда, и его приводы задвигались, освещая пространство коридора неярким контуром, вспыхнула аура силовой защиты, словно кто-то плеснул на механизм флюоресцирующей краски...

Манипуляторы Фага втянулись обратно. Лепестки носовой брони сомкнулись, и внушительных размеров корабль, протаранивший своим носом броню вакуум-створа, уже не выглядел чем-то осмысленным, совершенным, словно его покинула некая душа, сущность, придававшая глянцеви́то-черному аппарату ту самую неприятную схожесть с живым существом.

Возможно, удаляющаяся по темному коридору биомеханическая форма, облитая аурой силового поля, и являлась той сущностью, содержала волю, которая управляла действиями Фага? Или то был всего лишь обыкновенный исполнительный агрегат, исторгнутый и собранный для некой определенной цели?

Ответ на этот вопрос, вероятно, крылся где-то в глубинах старого, покинутого космического корабля, куда как раз и лежал путь этого создания.

* * *

Возвращение в реальность показалось Вадиму до крайности болезненным.

Все тело горело, будто его долго поливали кипятком.

Он открыл глаза.

Откуда-то сверху и сбоку пробивался тусклый красноватый свет.

События последних минут перед беспамятством всплыли в его голове чередой резких визуальных образов – он вспомнил вспышку гиперперехода, мельтешение звезд на оживших экранах и этот странный, похожий на полураспустившуюся розу корабль, который стремительно атаковал его, даже не удосужившись предпринять какую-либо попытку контакта.

«Фрайг... Как теперь выбираться-то...» – подумал он, еще не вполне осознавая, что за красная мгла плавает вокруг и откуда над креслом пилота взялась эта полупрозрачная, покрытая сеткой трещин вогнутость?..

Он попытался пошевелиться, внутренне страхась, ожидая ощутить, кроме этого непонятного, назойливого жжения, еще и какую-нибудь резкую боль, от сломанных ребер, например, потому что помнил: садануло его крепко, но...

Реальность медленно, капля за каплей проникла, просочилась в его разум, войдя меж дрожащих, наполовину смеженных век, и вот тут Вадим испытал первое потрясение.

На нем не было скафандра.

Он понял, что не сидит в кресле пилот-ложемента, безвольно повиснув на страховочных ремнях, а лежит в какой-то ванне с жестким пластиковым дном, наполовину наполненной дурно пахнущей жидкостью, и вогнутая, подернутая сеткой трещин полупрозрачная плоскость

над головой – это не кровеносный узор век, сквозь который пробивается яркий свет звезды, – нет... его глаза широко открыты, колпак настоящий, продавленный чем-то тяжелым, а красное, сумеречное сияние проникает извне, просачиваясь сквозь уродливую дыру в полупрозрачном своде непонятного агрегата.

Он инстинктивно дернулся и услышал, как что-то чавкнуло, отпуская его.

Подняв руку, Вадим ощутил холодный пластик. Под пальцы попался острый, зазубренный край дыры. Жидкость, в которую было погружено его тело, воняла приторно-васильковыми флюидами тлена... Она всколыхнулась, прохладной волной обняла горло, вызывая рефлексорный удушливый спазм.

Ударом кулака он вышиб преграду над своей головой; треснутый пластик разлетелся, разнося шелест падающих на пол осколков, тусклый свет аварийных ламп какого-то замкнутого помещения ударил в глаза, заставляя окончательно поверить, что это не сон, не бред умирающего сознания, и последней, завершающей эту картину деталью стал обрывок какого-то кабеля, который медленно раскачивался над самой головой, словно маятник Фуко, виденный однажды Вадимом в одном из уцелевших на Земле соборов...

Тяжело, прерывисто дыша, уже не обращая внимания ни на жжение кожи, ни на стойкую, отвратительную вонь, он привстал, подтянулся на руках и вывалился за борт своего мерзкого ложа.

Нет, определенно, он все-таки бредил.

Такое не могло произойти с ним... Вадим поднял руку, провел влажными пальцами по своему лицу и понял, что сидит на полу, голый, скорчившийся, мокрый, обводя безумным взглядом впечатляющий интерьер, основу которого составляли сдобренные аварийным светом хаос, упадок и разрушение.

Логика услужливо подсказала нужную формулировку: какой-то отсек, вероятнее всего, криогенный, безумно древний, давным-давно покинутый.

Бред...

Спорить с этой мыслью Вадим не стал.

Однажды он уже ощущал нечто подобное. Давно, еще на службе в космической пехоте Конфедерации Солнц, когда брали штурмом базу Ганианцев и его накрыло залпом из реактивной установки... Тогда он провалился без сознания около суток, а очнувшись ночью, под проливным дождем, долго не мог поверить в реальность происходящих событий, будто вся его сущность была тщательно вычерпана неведомой силой.

Сейчас происходило нечто похожее... Разум болезненно реагировал на обстановку, отвергая ее. Логика подсказывала – это бред, но в то же время разве он мог усомниться в реальности ощущений? Холод, дрожь, мурашки на мокрой коже, капельки вонючей влаги, собравшиеся на ней, стойкий, затхлый запах неподвижного воздуха – не слишком ли реально для порождения контузии?

Забавное свойство человеческой психики – когда нельзя объяснить окружающее, у рассудка остается два выхода: либо отключиться, либо принять действительность такой, как она есть, – без комментариев.

Вадим выбрал второе.

Тело все-таки испытывало боль – тупую, ноющую, заседавшую внутри каждой мышцы.

Он встал, опираясь на край криогенной камеры, осмотрелся, поднял с пола какую-то синтетическую тряпку и принялся машинально вытираться ею, едва осознавая, что это чья-то рубашка. Обратив внимание на ее форменную принадлежность Вадима заставила нагрудная нашивка, которая больно царапнула своим углом по чувствительной, покрасневшей и зудящей коже.

Медленно отняв от плеча это импровизированное полотенце, Полуэктов посмотрел на царапнувшую его деталь.

«Колониальный транспорт „Альфа“. Медицинский персонал второй палубы», – распознал его взгляд выдавленные в пластике интеранглийские буквы.

Спину вдруг обдало жаром.

«Альфа»?!

Вадим резко обернулся...

Хаос. Распахнутые шкафы, горы вываленных на пол предметов... Полуживой компьютерный терминал... Разбитые криогенные камеры...

Он не стал в очередной раз убеждать себя, что спит и бредит. Черта с два...

Жуткая, неправдоподобная реальность шарахнула наконец ознобом по коже, и Вадим вдруг болезненно осознал, что действительно стоит нагишом в медицинском крионическом модуле пропавшего тысячу лет назад космического корабля и вытирается чьей-то форменной рубашкой. Как он попал сюда, еще предстояло выяснить, а сейчас следовало жить.

Жить недвусмысленно, не отвлекаясь на разные мистические выкладки.

По телу гуляла заблудившаяся во внутренностях ледяная дрожь, сменившая волну неприятного жара.

«В первую очередь – одежда и оружие, потом информация и принятие решения...» – эти обрывки здравых мыслей звучали в голове, будто заклинание, предохраняющее от сумасшествия.

В такие секунды главное не дать страху прокрасться внутрь. Во многих ситуациях сомневаться – значит умереть. Вадиму повезло, что эта наука была крепко вбита в его голову. Впрочем, Покровский не стал бы доверяться ему, будь психика капитана Полуэктова ориентирована как-то иначе.

Он обернулся, еще раз бегло осмотрел отсек, поражаясь захламленности его неживых интерьеров, и стал быстро раскапывать кучу хлама у себя под ногами в поисках подходящей одежды.

Отыскав нижнее белье, мятую темно-синюю униформу и обувь в виде высоких, явно не медицинских, а скорее уж военных ботинок, он быстро натянул на себя слежавшуюся, влажную синтетическую ткань.

В процессе переодевания ему стало теплее, и это было первым нормальным человеческим ощущением за те несколько минут, что прошли с момента его странного пробуждения.

Теперь еще раз осмотреться, найти прибор связи и – черт возьми – попытаться выяснить, кто вытащил его из раскроенного лазерным лучом штурмовика и доставил сюда, в эту вонючую, полуразрушенную криогенную камеру?!

Похожий на столб компьютерный терминал, от основания которого отходило семь криогенных камер, работал. Не бог весть как, но работал – по крайней мере на нем исправно перемигивались замысловатые узоры контрольных огней, отражавших совершенно непонятные ему данные о состоянии систем, да еще один из семи мониторов, наглухо вмонтированных в этот подпирающий свод зала столб, ровно сиял приятным голубоватым фоном.

Вадим перешагнул гору хлама, задрал голову, и внутри столба что-то отчетливо клацнуло, будто там, отреагировав на его движение, сработал некий допотопный переключатель.

На нейтральном фоне экрана внезапно одна за другой возникло несколько букв, сложившихся в короткое, но очень емкое по своему смыслу слово:

Б...Е...Г...И...

Вадима словно током шарахнуло от этих четырех букв.

Он резко обернулся, будто ожидал увидеть за своей спиной автора адресованного ему послания, и его взгляд наткнулся на выход из отсека, люк которого оказался начисто сметен неведомой ему силой...

Проем выбитого люка затягивала полупрозрачная сиреневая дымка неизвестной природы, а по ту сторону, в коридоре...

Там стоял какой-то жуткий механизм, опирающийся на четыре гибкие, лишённые суставов сервоприводные конечности, и смотрел на него, жадно, изучающе, как искусственный охотник рассматривает в прорезь прицела желанную дичь, за которой гонялся не один день...

Где у этого создания находились органы визуального восприятия, Вадим, естественно, не знал, но он спинным мозгом почувствовал – оно смотрит, и причем именно так: вожаденно, уверенно, явно понимая – никуда ему не деться, не выскочить из прорези прицела, и мягкое движение курка – это лишь вопрос времени, ближайших нескольких секунд...

* * *

Действуя машинально, Вадим отпрянул за столб компьютерного терминала, лихорадочно осмотрелся, еще раз чиркнул взглядом по тому самому «БЕГИ» на мониторе, успев мимолетно содрогнуться, отметив, как точно отвечает это короткое, емкое слово его осознанному внутреннему желанию: убаться отсюда...

Полуэктов давно усвоил, что в природе нет ничего мистического, и каждое явление, событие обязательно должно быть описано рамками какой-либо логики. Непонятное – это еще не значит необъяснимое.

Усвоив эту и еще несколько прописных истин, он в свое время перестал бояться всего, кроме людей...

...Не найдя ничего лучшего, более подходящего на роль оружия, он схватил с пола обломок трубы, успев разглядеть, что ее торец очень характерно оплавлен, будто из-под потолка огрызок полой арматуры вырезали сваркой.

Вес металлокерамической трубы придал ему некое ощущение уверенности. Прав был их учитель биологии, рассказывая, что человек сделал первый шаг от обезьяны именно так – схватив в руки увесистый, корявый сук. Довольно иррациональное чувство вооруженности... но согревающее, полезное...

Он прижался спиной к столбу, чуть отклонил голову, вытягивая шею, выглянул.

Биомеханический контур за сиреновой мембраной вяло шевелился. Одна из его конечностей приподнялась: этот непонятный механизм попытался продавить нематериальную перегородку, и сквозь бледную, прозрачную мембрану было отчетливо видно, как беззвучно сокращаются тросики его сервоприводов, оплетающие гибкую конечность, будто вены или сухожилия.

В месте соприкосновения манипулятора и мембраны внезапно вспыхнул бледный огонь, во все стороны полетели снопы искр.

Вадим не имел понятия о природе возникновения перегородившей проход сиреновой дымки, но при взгляде в коридор его неприятно поразило одно обстоятельство: там, где копошилось это механическое существо, в результате его возни от пола поднялась и медленно поплыла в сторону гора различного мусора.

Наблюдая за движением этого своеобразного облака, Полуэктов сделал два совершенно трезвых, но крайне неутешительных вывода: во-первых, за тонкой преградой отсутствовала гравитация, а во-вторых, там, вероятно, царил вакуум.

«Очень похоже на суспензорное поле защиты, – подумалось ему, – только цвет странный, да и не могли на „Альфе“ оказаться генераторы суспензорного поля, в те годы их еще не изобрели...»

Скафандров в отсеке он не заметил, и на душе вдруг стало тоскливо, зло и мутно – на кой хрен кто-то приволок его сюда, лучше бы бросили там, в развороченном штурмовике, было бы честнее.

Не успел он подумать об этом, как над его головой материализовалось какое-то движение. Моментальный взгляд вверх заставил его на миг забыть о существе, которое копошилось за сиреновой дымкой, – прямо на его глазах из обрубленного торца свисавшего с потолка кабеля

в отсек начала выдвигаться новая проблема, причем гораздо более конкретная, чем тот механический урод в разгерметизированном коридоре.

Из обрубка силовой кишки медленно выползал светло-сиреневый, напряженно потрескивающий статикой шар.

Немногие явления и предметы могли по-настоящему напугать капитана Полуэктова, но этот шар, вернее, дрожащий, меняющий форму аморфный сгусток, что все рос и рос, заставил его попятиться, ощутив капли ледяного пота на спине под рубашкой, потому что Вадим мгновенно узнал это характерное образование, вернее, существо, которое продолжало выдавливаться в отсек.

Холодный ужас обреченности на миг сжал его сердце.

«Дьявол... Это не со мной...» – скорее зло, чем испуганно подумал он, продолжая напряженно наблюдать за рождающимся на глазах плазмоидом. Огрызок трубы, сжатый во вспотевших ладонях, более не казался ему оружием.

Заочно познакомиться с подобной тварью ему привелось десять лет назад, в период воинской службы.

Информационная составляющая тренировок космической пехоты Конфедерации Солнц обязательно включала в себя просмотр десятиминутного документального видео, посвященного событиям на станции «Черная Луна».

Да что космическая пехота... любого человека, имевшего хоть какое-то отношение к космосу, знакомили с этой хроникальной записью, морально готовили к вероятности подобной встречи, хотя с той далекой поры древний кошмар больше ни разу не наблюдался в границах освоенного людьми пространства.

И вот он выползал в отсек прямо на глазах Вадима.

Несколько секунд капитан не мог оторвать глаз от напряженно сияющего сгустка. Ошибки тут быть не могло – это не являлось шаровой молнией, – в глубинах мерцающего энергетического пузыря вихрился газ, в котором смутно просматривался змеящийся клубок каких-то нитей, именно тех, что, по предположениям ученых, управляли действиями плазмOIDных существ, восемь из которых сумели разнести в клочья, превратить в решето несколько боевых крейсеров Конфедерации, прежде чем против них была применена аннигиляционная установка «Свет», которая сожгла Черную Луну, превратив целую планету в пылающее солнце.

Только энергия полного атомного распада смогла поглотить восьмерых ПРЕДТЕЧ...

Как неустойчиво и условно наше сознание.

Секунду назад Вадим готовился к схватке с биомеханическим чудовищем, что по-прежнему копошилось в коридоре, пытаясь прорвать герметизирующую проход мембрану, а теперь... впору было кинуться к нему, как к родному, глядя на выдавливающийся из торца силового кабеля шар...

Достигнув диаметра в полметра, тот медленно отделился от энерговода и повис в воздухе.

От шара исходил пронзительный голубой свет, в отсеке резко запахло озоном, отчетливо был слышен треск статики...

Вадим занес огрызок трубы, приготовившись встретить его ударом, хотя понимал – тут и тяжелого плазмоизлучателя оказалось бы маловато...

Смертельная, полная страшного напряжения пауза затягивалась, превращаясь в вечность.

Ситуацию внезапно разрешил бионический механизм, который за мгновение до этого исполнял в захламленном коридоре сложный по своим побудительным мотивам танец.

Ему наконец надоело ковырять преграду манипулятором, и он решил предпринять более радикальную попытку прорыва внутрь вожденного отсека.

Отступив на несколько шагов, он беззвучно выдвинул из себя какой-то агрегат, и тот внезапно начал быстро, практически неуловимо для глаза вращаться, сплевывая в преграду шквал когерентного излучения.

Лазер, Фрайг их всех побори!

Вадим, оказавшись между двух огней, прижался к стене, заняв оборонительную стойку, хотя толку от нее было мало, он даже не пытался себе представить, в противостояние каких сил впутали его обстоятельства и случай. Насчет механизма в коридоре у него не было никаких догадок, а вот Предтечами всерьез пугали космодесантников и армейских пилотов, а те, как известно, далеко не детишки...

За этими злыми, обреченными мыслями Вадим, не сводящий глаз с сияющего шара, едва не пропустил развязку... Запирающая вход в отсек энергетическая мембрана наконец не выдержала шквала лазерного огня – она вспыхнула неистовым светом и распалась, исчезла!

Остальное слилось для Вадима в несколько секунд кошмарного головокружительного полета: сокрушительный удар мгновенной декомпрессии сбил его с ног; поток рванувшего в разгерметизированный коридор воздуха приподнял человеческое тело, ударил его об стену, будто порыв ветра тряпичную куклу, поволок за собой вместе с мусором и вещами, которые были разбросаны по полу отсека, и одновременно с этим, опережая стремительное движение воздушной массы, к Полуэктову метнулся пронзительно-голубой шар.

Он даже не смог закричать от мгновенного, парализующего осознания собственной гибели. Несколько секунд в груди стыл лютый холод – это его мозг ждал оглушающего удара, болезненного взрыва порванных декомпрессией легких, но вместо этого Вадим ощутил какое-то упругое сопротивление среды и с запоздалым ужасом понял, что метнувшийся наперерез механическому чуду энергетический шар ударил в него, но не сжег, не сожрал, как это было в случае столкновения Предтеч с человеческими кораблями, а обьял его, обволок, заключил внутрь своего сияния, растекся тонкой энергетической пленкой по сотрясающемуся от бесконтрольной дрожи человеческому телу, и...

Воздушный поток вымел Вадима в коридор, еще раз ощутимо ударил о стену и иссяк, отпустил, оставив его медленно кружить в беззвучии вакуума, среди плотного облака выброшенного из отсека мусора...

* * *

Это уже не укладывалось в рамки какой-либо логики.

Ощущая остервенелую боль в отшибленной спине, Вадим в первую секунду после разгерметизации отсека вообще потерял способность мыслить – распластавшись по стене, он судорожно хватал ртом загустевший воздух, не веря ни единому своему чувству, настолько ошеломляющим, неправдоподобным казалось произошедшее...

Его тело обволакивала тонкая, мерцающая энергетическая пленка. Там, где у обычного скафандра расположен гермошлем, эта оболочка раздавалась в стороны, образуя шар.

Вадим понял, что дышит... Судорожно, неровно, обжигая легкие обилием озона, но ДЫШИТ!

В следующий миг в его сознании вновь с болезненной внезапностью сменились приоритеты: то механическое существо, которое раздраженно смело энергетическую преграду сумасшедшим лазерным огнем, успело в момент декомпрессии ворваться в отсек и теперь боролось с не свойственной ему проблемой – царапая пол конечностями, оно вслепую двигалось обратно, к выходу, за которым оказался Вадим. Весь корпус существа скрывала чья-то форменная куртка, плотно облепившая механику и, видимо, затянутая в приводы сервомоторов, потому что ее ткань на глазах расплзалась, рвалась, не выдерживая напора мощных поступательных движений.

Однозначным казалось одно – это создание по-прежнему видит Вадима и совершенно не изменило своих намерений любым способом добраться до человека.

Выяснять, зачем оно рвется к нему, показалось Полуэктову излишним – довольно и одного внезапного союзника, растекшегося по его телу непроницаемой для вакуума оболочкой, так что он раздумывал не очень-то долго. Вспомнив ту надпись на мониторе, Вадим не преминул воспользоваться рациональным советом неизвестного доброжелателя: влепив обрезком трубы, который продолжал сжимать в облитых фиолетовым мерцанием руках, по морде... или по корпусу биомеханического создания, он перевернулся и, отталкиваясь руками от стен коридора, ринулся прочь, углубляясь в сумеречные, страшные, неизведанные недра легендарного, пропавшего тысячелетие назад космического корабля.

* * *

Через пару минут Вадим уже не был настолько уверен в здравости своего рассудка, как в первый миг после кошмарного воскрешения.

Реальность ощущений продолжала давить на психику, но иногда и этого оказывается мало, чтобы адекватно воспринимать события...

Его грудь разрывало от недостатка кислорода, жутко хотелось дышать... он судорожно разевал рот, глотая обжигающий озоном воздух, и... не верил в то, что дышит, неосознанно пытался сэкономить следующий вдох, и опять его легкие разрывала спазматическая резь...

Отталкиваясь руками от стен, пола и потолка, Вадим стремительно несясь вдоль лишённого воздуха коридора, мысленно уповая лишь на то, что его вывод, сделанный на далекой Земле, соответствует действительности и этот корабль еще имеет отсеки, которых не коснулся вакуум.

Иначе ему не выжить. Это, несмотря на фантастическую помощь со стороны древнего существа, Вадим осознавал абсолютно четко. Запас воздуха внутри импровизированного гермошлема рано или поздно должен закончиться, потому что пополняться ему просто неоткуда...

Сердце Полуэктова бешено колотилось в груди. Отталкиваясь руками от очередного выступа переборки, он оглянулся и, уловив позади смутный контур, понял, что насекомоподобный механизм не только продолжает преследование, но и неумолимо настигает его – эта тварь, похоже, не испытывала никаких затруднений при движении в невесомости.

Фрайг... Хоть бы один шлюз...

Как назло, по бокам коридора мелькали лишь раздвижные двери отсеков. Неважно, были они закрыты или распахнуты, все равно в боковых помещениях царил вакуум – весь медицинский модуль корабля, внутри которого перемещался Вадим, оказался разгерметизированным...

В тусклом свете окутавшего его статичного поля, удивительно похожего на недавно изобретенную суспензорную защиту, мелькали хаотичные подробности потрясшей корабль много веков назад катастрофы, но Вадиму было не до них. Продолжая уходить от преследования, он пытался сообразить, что делать дальше, как повернуть безвыходную ситуацию в свою пользу?

Все, что приходило на ум, не имело ничего общего с окружавшей его реальностью.

Обломок трубы он бросил, но вокруг в изобилии наличествовал иной подручный материал: различные предметы кружили в невесомости, и по самому факту их движения он безошибочно определил, что декомпрессия в отсеках наступила недавно: может быть, час или два назад здесь еще присутствовала атмосфера... Вот только легче от этого не становилось...

Коридор тянулся, прямой, как стрела, уводя в бесконечность. Размеры «Альфы» были сравнимы лишь с некоторыми орбитальными городами-спутниками современности и трудно поддавались осмыслению. Люди уже давно не строили ничего подобного – освоив полеты в

гиперсфере, Человечество потеряло нужду в кораблях-гигантах, рассчитанных на многие и многие годы полета...

Минут через пять, по-прежнему пролетая мимо черных провалов боковых дверей, он понял, что по всем раскладам уже должен был задохнуться, – запас воздуха внутри мерцающего пузыря, окружавшего его голову, казался смехотворным, но Вадим по-прежнему не ощущал удушья. Спазмы, режущие грудь, являлись скорее всего следствием его инстинктивного страха. Рассудок отказывался принимать тот факт, что количество кислорода в ограниченном объеме все же восполняется...

Притормозив свой полет, он оглянулся, пытаясь понять, как далеко отстал преследующий его механизм? Может, ему все-таки удалось оторваться?

Тщетные надежды...

Замедлять темп бегства оказалось глупо и рискованно. Сзади внезапно полыхнула серия режущих глаз вспышек, и пространство вокруг озарили рубиновые росчерки. В беззвучии вакуума это выглядело особенно жутко: парящее в невесомости пластиковое кресло, которое Вадим только что оттолкнул от себя, освобождая дорогу, попало под лазерный разряд и бесшумно скорчилось, тут же застыв бесформенным комом пластмассы, похожим на абстрактную скульптуру.

Он с новой силой ринулся вперед, стараясь наверстать упущенные секунды. Полуэктов ничего не понимал в происходящем вокруг; какие-то силы играли с ним, как со щепкой, попавшей в бурный водоворот канализационного люка...

Еще два луча когерентного света промелькнули впритирку со стеной, только чудом не зацепив ему плечо, и, врезавшись в выступ переборки, оставили вишневые язвы на ее материале. В их стробоскопических вспышках Вадим успел разглядеть медленно вращающуюся в пустоте импульсную винтовку.

Притормозив, он поймал лениво плывущий предмет и тут же метнулся в открытый боковой проход.

Помещение, куда он влетел, на поверку оказалось небольшим. Когда-то тут располагался один из бесчисленных контрольных отсеков, назначение которого было невозможно угадать во мраке.

Не останавливаясь, он пролетел вдоль стены.

Черт, тупик...

В мерцающих отсветах своей противоестественной энергетической оболочки Вадим разглядел колоннаду разнокалиберных труб, которые выходили из пола и исчезали в потолке.

До проема раздвинутых дверей рукой подать. Это даже отсеком не назовешь, каморка какая-то...

Он перевернулся, паря в невесомости.

Штурмовая импульсная винтовка «ИМ-12», оказавшаяся в его руках, являлась прототипом всех современных образцов подобного оружия, и разобраться в ее системе не составляло труда.

Охватив ногами трубу, чтобы не всплывать к потолку от резких движений, Вадим освободил вторую руку, нашел кнопку активации оружия, заглубленную в приклад, и утопил ее.

Окошко индикатора зарядов не зажглось.

Он лихорадочно повторил операцию, но с тем же результатом. Черт... надо было догадаться, что за столько веков в батареях импульсной винтовки не осталось ни единого эрга...

В этот момент за дверями отсека намечилось движение.

Вадим прижался спиной к трубам, продолжая удерживаться ногами за их изгиб, у самого пола.

Секунду спустя насекомоподобный механизм возник в открытом дверном проеме, прорисовавшись смутной, зловещей тенью. Его защитное поле призрачно светилось.

Гибкий манипулятор машины, похожий на тусклый гофрированный шланг, увитый жилами сервоприводов, медленно скользнул вдоль рамы раздвинутых дверей. Механизм не торопился, выискивая клешнеобразным захватом точку опоры. Вслед за первым манипулятором в поле зрения Вадима появился второй.

В немом напряжении Полуэктов ждал, пока в проеме полностью появится корпус преследователя. Импульсную винтовку он перехватил за покрытый вздутиями электромагнитных катушек ствол.

Секунды ожидания затягивались в вечность...

Невесомость – штука коварная. Каким бы двигателем ни обладал преследовавший его робот, но при отсутствии тяготения в тесном отсеке его преимущества сходили на нет...

Самое поразительное заключалось в том, что механизм, похоже, понимал это. Так неторопливо, осторожно могло действовать живое существо, зверь, знающий повадки человека...

Движение манипуляторов вдоль косяка дверного проема вытягивало нервы в напряженную, готовую лопнуть струну. И человек, и машина прекрасно видели, ощущали друг друга.

Состояние Вадима трудно описать в двух словах. Ирреальность происходящего давила, усугубляя все ощущения, доводя их до степени абсурда. В какой-то миг он осознал, что, по сути, сейчас идет поединок психики. Механическая тварь ждала его ошибки, истеричного рывка... Она явно уже имела опыт подобной охоты и действовала, сообразуясь с ним...

«Не дождешься, сука... – Вадима вдруг захлестнула холодная, обреченная злоба. – Мне терять нечего...» – подумал он, наблюдая, как медленно ползет вверх гибкий манипулятор.

Первый этап противостояния робот проиграл. Его терпение истощилось первым.

Два клешнеобразных захвата медленно сжались, намертво впившись в раму дверей. Теперь механизм получил желаемую опору и вдруг рывком подал свой корпус внутрь отсека.

Несколько мгновений они разглядывали друг друга, прежде чем манипуляторы механической твари изогнулись, выбрасывая увитый шлангами корпус по направлению жертвы.

Это походило на бросок змеи.

Вадим встретил его ударом приклада. Он бил наотмашь, вложив в удар все силы.

Инерция отбросила его назад, но он тут же пришел в себя и снова ударил до остервенелой боли в отшибленных ладонях. Удерживаясь ногами за трубы, он в исступлении бил прикладом, ощущая, как под ним что-то поддается, ломается...

Умри, гаденыш!..

Опомнился он только в тот момент, когда увидел парящие в невесомости брызги.

Страшный механизм висел, загораживая собой выход из отсека. Его гибкие конечности намертво вцепились в края проема, удерживая на весу покореженную массу деталей, центр которой занимал расколотый бешеными ударами шар.

Из трещин беззвучно, толчками сочилось какое-то вещество, тут же собираясь в невесомости шариками-брызгами.

Вадим похолодел, когда в призрачном мерцании своего энергетического скафандра он понял, что по цвету парящая вокруг жидкость разительно напоминает кровь.

Он наконец разжал сведенные судорогой пальцы, и винтовка со сломанным прикладом поплыла прочь, канув во мрак, у дальней стены отсека.

«Ну подкинул Андрей Георгиевич работенку...» – метнулась в его голове одинокая, шальная мысль.

В эти секунды он вдруг остро ощутил облепивший его со всех сторон мистический ужас происходящего. Мерцающая энергетическая оболочка, предохраняющая тело от смертельного прикосновения вакуума, парящие в невесомости брызги крови, выбитые ударами приклада из робота, – все это, вместе взятое, низводило рассудок до состояния полной прострации, когда ледяная дрожь крадется вдоль позвоночника и ничего не можешь с этим поделать...

Никогда раньше он не испытывал подобного чувства, не знал, что это такое – попасть в обстоятельства, абсолютно непостижимые для рассудка, несовместимые с реальностью...

Одного пробуждения в пропахшем трупными флюидами отсеке хватило бы с избытком для серьезного нарушения психики, а тут еще плазмOID, потом этот робот...

Мысль работала лихорадочно, нервно...

Откуда внутри сервоприводного механизма может взяться кровь? Догадки относительно ее природы казались одна другой хуже – легче было взять и проверить...

Все еще тяжело и неровно дыша, Вадим протянул облитую мерцанием руку, взялся за край расколотого на несколько неравных кусков шара, резко потянул...

Оболочка отломилась с ощутимым сопротивлением. Скорлупа у механизма оказалась тонкой – миллиметра три-четыре, не более, и состояла из темного, зернистого на сломе, похожего на чугун металла, а внутри...

Темно, хоть глаз выколи. Он видел лишь смутный контур своего поверженного преследователя да прибывающую откуда-то снизу каплеобразную, алую взвесь.

Ему пришлось снова приблизить руку к разбитому механизму, почти что засунуть ее в проделанное отверстие, чтобы увидеть начинку расколотого шара.

Мельчайшие капли жидкости вспыхивали, соприкасаясь с облитыми голубым мерцанием пальцами.

Вадим наклонил голову, присмотрелся, стараясь не обращать внимания на парящую вокруг взвесь, а разглядев, что именно скрывается под расколотой оболочкой, опять напрягся, похолодел...

Нужно было иметь железные нервы, чтобы поверить в увиденное...

Он все же отшатнулся, на секунду закрыл глаза, пытаясь унять бешеную пульсацию крови в висках... понимая, что зрительный образ уже не вытравишь и он останется в памяти навечно как одно из самых страшных потрясений в жизни.

Побелевшие губы Вадима дрогнули, когда он заставил себя открыть глаза и еще раз заглянуть внутрь расколотого шара, чтобы не мучиться потом сомнениями насчет здравости собственного рассудка.

Нет, он не ошибся...

Тончайшие металлические иглы тянулись от сферической «черепной коробки», глубоко вонзаясь в серое, покрытое глубокими морщинами извилин скопление нейронов... Между ними протянулись тонко серебриющиеся нити, образующие плотную сетку контактов.

Это был мозг...

Внешне он очень напоминал человеческий. На бугристой поверхности смятых складками полушарий блестели капельки раствора, в который мозг был погружен до момента, когда Вадим своими бешеными ударами расколол шар искусственной черепной коробки...

Жидкость показалась ему бесцветной.

Стараясь понять, откуда берется парящая вокруг алая взвесь, он опустил руку, освещая хаос разможенных ударами соединений.

Вадим не ошибся: кровь, или очень похожая на нее субстанция, продолжала толчками вырываться из размочаленных прикладом трубок.

Он смотрел на это противоестественное сочетание живого с неживым, а перед глазами по-прежнему стояло видение усеянного вживленными контактами серого вещества... биологического процессора, мозга, воля которого минуту назад заставляла сервоприводы механической оболочки в бешеном порыве бросаться на человека в непонятной, исступленной попытке убить его.

Вадим медленно убрал руку, и окровавленное месиво шлангов отделилось, погрузившись во мрак.

* * *

Через несколько минут покоренная реальность «Альфы» уже полностью захватила его разум.

Вадим остро ощущал, что вся спланированная, осмысленная операция полетела к дьяволам Элио... и он ничего не может понять, оказавшись один, без каких-либо средств к выживанию, внутри искалеченной временем конструкции.

Лишенный гравитации коридор уводил его все дальше, в мрачные недра древнего корабля.

Какие чувства он должен был испытывать, продвигаясь во мраке, среди парящего в невесомости хаоса предметов?

Никто не утверждал, что задание окажется легким, но Вадима угнетала явная алогичность, противоестественность стремительных, необъяснимых событий.

Каждый раз, отводя рукой мешающий продвижению предмет, он видел ауру своего энергетического скафандра, в которую превратился плазмод, и ему опять стоило немалых усилий сделать очередной вдох. Этот процесс являлся мучительным и осознанным – стоило Вадиму хоть на секунду прекратить думать о наличии кислорода во вдыхаемом воздухе, как грудь действительно сжимал резкий спазм удушья.

Я дышу... Все нормально... Я дышу...

Спасением для него явилась флюоресцирующая в темноте надпись, текст которой гласил: «Шлюзовая переборка»

Указывающая в глубь коридора стрела выглядела в этот момент для измученного, сбитого с толку Вадима, как перст судьбы.

Преодолев последние метры, Полуэктов оказался перед мощной системой, призванной обеспечить живучесть отдельных отсеков космического корабля.

Отделанная серым пластиком стена перегораживала коридор, а на ее фоне, во тьме, ярко горели две искорки световых индикаторов, расположенных на панели управления шлюзом.

Вадим подплыл к переборке, в неверном свете собственных рук осмотрел примитивную контрольную панель, управляющую системой шлюза, и понял, что свой шанс выжить, выпутаться в конце концов из этой сумасшедшей, ирреальной ситуации он все-таки получил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.